

Помнишь, как шел
Ошалелый пац
Перед шеренгой
На аппельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере -
Мертвые в пляс.

ТУМ БАЛАЛАЙКА

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки -
среди пепла!

Все ли о том спето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

антифашистская газета
ВОЛЬНЫХ ЕЖЕЙ

май-июнь 1998 г.

№ 9

А. Галич

Бороться с фашизмом МОЖЕТ – каждый, ДОЛЖНЫ – все!

Что может быть общего между:

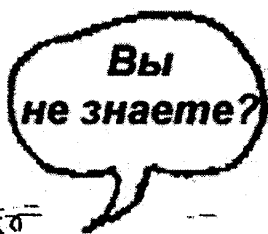
растоманом

панком

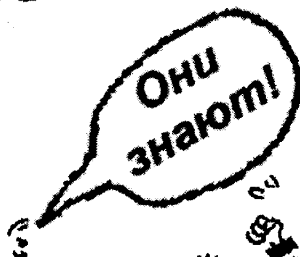
футбол-фэном

автономом-анархистом

рэпером...

В номере:

Семинар

**Фашизм и антифашизм
в молодежных движениях
и субкультурах**

Субкультуры, фашизм и антифашизм

(основной доклад)

с. 2-5

Материалы семинара

с. 6-8

**8 мая – день победы
над фашизмом**

с. 9

Журналисты против национал-экстремистов

с. 10

**Косово. Драма, которую
давно ожидали**

с. 11-12

Труд, май, свастика?

Первой в Германии

с. 12-13

**В федеральной земле
Саксония-Анхальт правые
прошли в парламент**

с. 14-15

**Латвийские НЕграждане
и их заступники**

с. 16-18

Похвала безумию

Геополитика глазами Александра Дугина с. 18-20

Из истории Сопротивления

Группа 43

с. 21

Переписка

с. 22-23

Фашизм и антифашизм в молодежных движениях и субкультурах

10 мая этого года в помещении правозащитной организации «Мемориал» был проведен семинар под названием «Фашизм и антифашизм в молодежных движениях и субкультурах». Целью организаторов (антифашистской комиссии «Мемориала» и редакции газеты «Тум-балалайка») было не только обсудить более или менее «зараженные» националистическими и фашистскими идеями субкультуры и молодежные движения в современной России, не только попытаться обнаружить в позиции некоторых молодежных групп зарождающийся антифашизм, но и обратиться к вопросам более общего порядка. Насколько молодежи, объединенной определенным стилем поведения или мышления, присуще то чувство избранности и элитарности, которое часто ведет к презрению по отношению к «не-нашим», или, хуже того, кристаллизуется в виде ненависти к конкретному заданному врагу? Насколько лидерство «самого крутого» неизбежно и – чем это чревато? Наконец, где же проходит та грань, за которой игра – уже не игра, и битвы стенка на стенку приобретают характер войны, а погромы начинают казаться необходимой мерой?

Задуманный как теоретическая дискуссия с просмотром двух фильмов, семинар неожиданно для всех присутствовавших получил и наглядные пособия. Незадолго перед началом, когда собравшиеся занимали места, а гостеприимные хозяева грели чай и готовили угощение, вошла группа молодых людей, одетых в основном в черные кожаные куртки и сразу привлекавших внимание подчеркнутой обособленностью. Усевшись и, видимо, почувствовав себя увереннее при виде миролюбивой на первый взгляд аудитории, молодые люди извлекли припрятанные до поры нарукавные повязки и значки с символикой Национал-большевистской партии. Несмотря на очевидные плюсы возможности вести дискуссию о молодежном фашизме, имея перед глазами столь наглядный пример (а все атрибуты, включая футболки с изображением Егора Летова и пр., были налицо), большинство собравшихся сошлось на том, что присутствие этих людей оскорбительно как для «Мемориала», на территории которого происходил семинар, так и для непосредственно антифашистского пафоса мероприятия. Незванным гостям было вежливо, но твердо предложено, во-первых, немедленно снять значки и повязки, а во-вторых, сразу же вслед за этим покинуть помещение. События приняли совершенно неожиданный оборот: мужественные национал-большевики практически без пререканий сняли свои бирюльки и стали голосами нашаливших школьников просить оставить их на семинаре, обещая «вести себя хорошо». «Мы будем молчать», – говорили они и добавляли: «А вдруг вы нас перевоспитаете?» И только один, наиболее активный, совал всем в нос журналистское удостоверение и настаивал на правах прессы. Тем не менее, дружными усилиями собравшихся всю команду удалось выставить, за исключением «представителя прессы» и его спутницы, тоже относящей себя – впрочем, уже непонятно, на каких правах – к журналистскому сословию. Семинар начался просмотром фильма «Волна», о котором будет сказано чуть ниже. Докладчик же, собиравшийся говорить сразу вслед за фильмом, отказался выступать в присутствии «прессы», открыто относящей себя к фашистской партии, и вопрос тем самым был окончательно решен. Когда об этом сообщили гостям, лица которых нетрудно найти на фотографиях, публикуемых в «Лимонке», оставшиеся в абсолютном меньшинстве национал-большевики ретировались без малейших возражений, даже вежливо попрощались. И только лишь оказавшись вне стен «Мемориала» и, наконец, почувствовав себя в безопасности (от кого?!), приосанившиеся «журналисты» пообещали провожавшему их до дверей участнику семинара поубивать «вас всех» в самом недалеком будущем. Семинар продолжался. Антифашист из Голландии выступил с докладом, который мы публикуем ниже.

Субкультуры, фашизм и антифашизм

Когда дети объединяются

Все реже и реже увидишь теперь в европейском городе стену, не украшенную разноцветными надписями – словами и лозунгами, вестниками меняющегося молодежного самосознания, написанными на стенах. Рейв, рэп, панк – слова, ассоциирующиеся с определенной музыкой, определенной одеждой и даже с определенным стилем поведения.

Крушение веры в абсолютную истину, крах религий и идеологий породили интенсивный поиск «настоящих» ценностей и образов. Для многих людей это означало упрощение жизни в том, что касается работы и денег. Молодежь, в любом случае постоянно находящаяся в процессе поиска, отреагировала на все это созданием новых структур.

Многие молодые люди порывают с общепризнанными ценностями и выбирают новый стиль жизни – одну из субкультур с иными приоритетами и иным стилем поведения, которые придают смысл повседневной жизни.

Например, гэбберы...

Гэбберы (*gabbers*) – это одна из голландских субкультур. Они ведут жизнь нигилистов, в которой вечеринки, наркотики и дружба являются основным смыслом существования.

Музыка гэббер появилась в Роттердаме как голландский вариант так называемого техно – электронной танцевальной музыки, изобретенной чернокожими диджеями промышленных городов США, таких, например, как Детройт. Слово «гэббер» происходит от «хавер», что на иврите означает «друг». Образ гэббера – это нагловатые, крепкие на вид парни и девушки мальчишеского вида в спортивных костюмах и кроссовках. Течение гэббер использует много чисто голландских элементов. Патриотизм в их среде имеет очень большое значение, особенно в том смысле, к какому городу ты принадлежишь. Гэбберы – люди очень циничные и критичные, они проявляют большое недоверие ко всему и всем. В Роттердаме гэбберы очень быстро стали самой популярной субкультурой среди молодежи, независимо от возраста, социального статуса и пола, но, правда, среди них почти сто процентов белых. Неудивительно, что последнее создает благоприятную почву для развития в их среде расистских предубеждений.

Фашистские организации ведут среди гэбберов активную пропаганду. Они распространили идею о том, что все гэбберы должны носить цвета голландского национального флага как символ патриотизма. Когда школы и молодежные центры начали это запрещать из-за растущей межэтнической напряженности, фашисты организовали кампанию против этого запрещения. Так Роттердам стал

свидетелем международного фашистского марша, участники которого, впрочем, едва прошли 60 метров и тут же были разогнаны полицией, опасавшейся стычек между фашистами и антифашистами.

Роттердам и его субкультуры

В Роттердаме и его пригородах живет около миллиона человек. Этот город более всего известен как самый крупный порт в мире. И действительно, порт и гигантский промышленный комплекс, связанный с ним, превратили Роттердам в один из крупнейших экономических центров Европы. Но за этим фасадом кроется сложная социальная структура общества: здесь живут вместе люди, имеющие различные этнические, национальные, культурные, социальные и экономические корни. Большие различия между граничащими друг с другом территориями лишь подчеркивают существующее многообразие. Человеческие взаимоотношения не считаются ни с какими границами, но в то же время создают новые. Особенно сильно в процесс разделения и создания новых границ вовлечена молодежь. Феномен субкультуры играет здесь главную роль. Если сравнить голландскую сельскую и городскую молодежь, то можно заметить, что последние сильно разделены, тогда как в сельской местности молодые люди держатся сплоченнее и больше ходят друг на друга в одежде, манере поведения и т. д.

Молодежная субкультура – это определенный выбор того, какую одежду носить, какую музыку слушать, в какие ценности верить, и, в первую очередь, к какой группе принадлежать. В большом городе молодые люди могут выбрать любую из множества таких групп. Они возникают даже внутри национальных общин. Конечно, многие взрослые сохраняют связь со своей группировкой, когда становятся старше. Некоторые из них даже играют лидирующую роль в какой-либо субкультуре. Такое случается, например, в среде роттердамских хулиганов, где старшие и более опытные люди командуют молодыми. В таком городе, как Роттердам, в давящей атмосфере промышленного центра, принадлежность к какой-либо субкультуре придает жизни смысл.

Фашизм ощутимо присутствовал на политической сцене Роттердама последние двадцать лет. Результаты муниципальных выборов 1994 года были ошеломляющими: в некоторых районах за фашистов проголосовало почти 20% населения. К счастью, популярность фашистских партий вскоре пошла на убыль – сейчас они имеют только одно место в районном совете. Однако Роттердам до сих пор рассматривается ими как стратегически важная территория. Все основные фашистские организации, начиная с национал-социалистов и кончая ультраконсерваторами, проявляют заметную активность в этом регионе.

Антифашизм в Роттердаме – городе, разрушенном почти до основания фашистскими бомбардировками в 1940 году, – действительно имеет широкую поддержку. Немногочисленные, но очень деятельные люди отдают свое время и силы антифашистской борьбе. Это единственное место в Голландии, где сотрудничают между собой антифашисты, имеющие столь разные убеждения – анархисты, протестанты, либералы, коммунисты, социал-демократы и даже рэперы,

хулиганы, сквотеры, рэйверы, скейтеры и многие другие. Самые разные люди собираются вместе в такие дни, как день памяти февральской забастовки, день борьбы с расизмом 21 марта, праздник освобождения 5 мая, день памяти жертв Хрустальной ночи 9 ноября.

Фашистские организации и субкультуры

Субкультуры часто рассматриваются фашистами – особенно национал-социалистами – как хорошая возможность для вербовки новых сторонников. Они, видимо, думают, что экстремисты «по жизни» могут быть легко втянуты в их собственный экстремизм. Особенно дурной славой в этом смысле пользуются футбольные фанаты – потенциальные боевики,

Contrast

Голландские гэбберы

скинхеды – «хранители» ценностей белой рабочей среды, и – в случае Роттердама – гэбберы, часто вовлекаемые в конфликты на национальной почве.

Попытки фашистов привлечь этих людей обычно начинаются с пропагандистских материалов – буклетов и наклеек. Активисты фашистских организаций регулярно появляются на футбольных матчах, вечеринках рэйверов, рок-концертах и больших праздниках, поджидая тех представителей субкультуры, которых они надеются вовлечь в свою деятельность. Одним из таких больших праздников

было празднование в честь завоевания роттердамской футбольной командой «Фейенорд» чемпионского титула.

Следующим шагом, конечно, является попытка частично передать субкультурам свои идеи и символику. Самым ярким примером здесь может служить так называемый нордический крест, ныне широко распространенный знак в виде круга, поверх которого нарисован крест. Этот символ был «внедрен» фашистами больше десяти лет назад на футбольных стадионах. Теперь хулиганы по всей Европе используют его. Основной смысл данной символики – идея «белой силы». Известно, что голландская фашистская партия CP'86 бесплатно распространяла медалионы и значки с нордическим крестом среди заинтересованных гэбберов.

После того, как люди принимают их символику и идеи, фашисты начинают вовлекать их в свою деятельность. Обычно это выражается в том, что фашисты привлекают их к демонстрациям или раздаче буклетов, особенно часто во время предвыборных кампаний. Иногда они пытаются подтолкнуть представителей субкультур к насилию. Фашисты организовывали с помощью хулиганов атаки на сквотеров в Гронингене и Гааге – двух других крупных городах Нидерландов. Другой пример – их работа в военных лагерях для подготовки солдат и отправка добровольцев-наемников в бывшую Югославию. Члены партии CP'86 из Роттердама воевали в рядах хорватских отрядов милиции HOS – независимой фашистской организации, действовавшей под командованием хорватской регулярной армии. На совести милиции HOS, в частности, убийства гражданских лиц.

Когда опыт взаимодействия субкультур и фашистов уже достаточно велик, последние начинают использовать молодежные группировки в своих целях. Они предоставляют информацию о «врагах» – обычно антифашистах, учат делать бомбы. Фашисты просто провоцируют насилие. Очень часто лидеры субкультурных

4
групп, сотрудничающих с фашистами, принадлежат к фашистским партиям или получают от них инструкции.

Фашизм внутри субкультур

Можно сказать, что люди, принадлежащие к субкультурам, разделяются на три категории: фашисты, антифашисты и нейтральные. Это приблизительное деление применимо к скинхедам, где бонхеды-фашисты, нейтральные скутер-скины и редскины-антифашисты имеют одинаковые предпочтения в одежде и музыке. Однако ясно, что ни одна из существующих субкультур не является фашистской по определению.

В субкультуре идет непрекращающийся процесс изменения. И в этом процессе некоторые первоначальные идеи забываются или игнорируются, что приводит к искажению исходных ценностей и приоритетов. Для представителей субкультур жизнь представляет собой непрекращающуюся борьбу за исходные ценности и за четкую грань между тем, что относится к ним, и тем, что – нет, и исходя из этого они создают свой образ жизни.

Стоит рассматривать фашистские субкультуры как часть политической жизни фашизма и говорить об элементах фашизма в субкультурах – таких, например, как культ лидера, расизм, идеи превосходства над другими, апелляция к тоталитарным решениям и т. д.

Опасность может заключаться в духе самоизоляции и соперничества с другими группами, на почве чего может вырасти нетерпимость между различными субкультурами. Трудно назвать антисемитами роттердамских хулиганов, кричащих «Евреи! Евреи!» хулиганам амстердамским (которые называют себя «суперевреями» в память о организаторах команды футболистах-евреях). Но определенно проявлением антисемитизма являются их выкрики типа: «Смерть евреям!». Белые гэбберы правы, жалуясь на дискриминацию, на то, что существует молодежный центр и специальные программы для марокканской молодежи, а для них – ничего. Но их решение поджечь местную мечеть – это уже преступление на почве расизма.

Существование строгих правил внутри субкультур может вылиться в притеснение отдельных ее последователей. «Неправильное» поведение в среде скинхедов – например, поцелуй двух мужчин – может привести к жестоким побоям. Люди могут быть принуждены употреблять наркотики или совершать преступления из-за давления вышестоящих членов организации или из-за признанных в ней норм поведения. Иногда граница между сектой и субкультурой становится очень тонкой. Например, самая крайняя форма «*straight edge hardcore punk*» – панков, проповедующих жизнь без вредных привычек, – требует от своих приверженцев участия в движении кришнаитов.

Часто люди считают молодежь, принадлежащую к субкультурам, хулиганскими, создающими неприятности. Вызывающая внешность таких людей, как панки и гэбберы, производит отталкивающее впечатление. С одной стороны, противопоставление себя буржуазным ценностям и образу жизни – это одна из целей субкультур, но, с другой стороны, провоцируемые этим дискриминация и предрассудки по отношению к субкультурам лишь ухудшают их отношения с обществом в целом.

Антифашизм и субкультуры

Стиль жизни наиболее выдающихся антифашистов Голландии создает впечатление, что данное движение функционирует как некая субкультура со своим собственным стилем одежды, музыкой и, что самое главное, своими собственными ценностями. В Роттердаме ситуация несколько иная. Здесь антифашисты не так выделяются, они стараются приспособлять свой стиль работы к

насущным проблемам. Некоторые из них – это скинхеды, дерущиеся на концертах с бонхедами, другие – сквотеры, помогающие с жильем нелегальным иммигрантам, третьи – хулиганы, организующие антифашистский бойкот на футбольных стадионах. Все они пытаются противостоять фашизму и фашистам – каждый в своей собственной среде.

Противостоять проникновению фашизма в субкультуры – трудная задача. Практически невозможно работать с «субкультурной» молодежью, если она сама не действует в том же направлении. Антифашисты должны или поддерживать тех, кто желает бороться против фашизма, или становиться частью субкультуры, чтобы действовать «изнутри».

Хороший пример такой работы – история, произошедшая несколько лет назад с роттердамским футбольным клубом «Фейенорд».

Прежде роттердамские хулиганы были известны своими расистскими выходками. Например, они бросали бананы в чернокожих футболистов. Некоторым антирасистам, посещающим матчи, это так надоело, что они решили что-то предпринять. Они образовали группу «Болельщики Фейенорда против расизма» и приносили плакат с этими словами на каждый матч. Из своего собственного кармана активисты группы оплатили изготовление 10 000 наклеек с эмблемой клуба и антирасистским лозунгом.

Результат был весьма обнадеживающим: футболисты публично высказывались в поддержку данной акции, лидеры хулиганов также ее одобрили, администрация клуба расценила эту акцию как очень выгодную для клуба, журналисты различных телевизионных программ брали интервью у антирасистов-болельщиков, и расистские настроения на стадионе постепенно сошли на нет. Главной мыслью группы активистов было то, что верность клубу не должна обязательно сопровождаться расизмом, особенно если учесть, что половина команды состоит из иммигрантов.

Поначалу фашисты запугивали членов группы и предпринимали атаки на них, но в конце концов фашистов прогнали со стадиона хулиганы, занявшие сторону антирасистов. После того, как видный деятель партии CP'86 попал в больницу, фашистская пропаганда прекратилась. Между тем сам клуб решил разработать антирасистскую программу действий. Для этого к эмблеме клуба было добавлено изображение рукопожатия двух рук – белой

Антирасистская эмблема клуба «Фейенорд»

GABBARS TEIGE VREIMDELINGENHAAT

и черной. После этого антирасистская группа заключила, что ее миссия выполнена, и самораспустилась.

Работа с молодежью и субкультуры

В Голландии практически любая проблема, связанная с молодежью, — это проблема работы с молодежью. Государство платит людям, работающим с молодежью, за то, чтобы они уделяли внимание юношам и девушкам как в специальных центрах, так и на улице. В последние годы появилось много проблем, связанных с фашизмом и молодежью, принадлежащей к субкультурам.

Главная дилемма работающих с молодежью — занимать или не занимать определенную политическую позицию, противостоять молодым фашистам или относиться к ним терпеливо и продолжать свою работу. Следующая проблема — это недостаток знаний у этих людей. Они прекрасно знают теоретическую социологию и психологию, но мало что понимают в быстро меняющемся и сложном мире субкультур.

Они зачастую терпят крах в своих попытках разобраться в проблеме нарастающей напряженности между белыми фашистами и молодыми чернокожими иммигрантами. В результате начинаются драки. Несколько лет назад в восточных районах Роттердама один из молодежных работников получил серьезное ножевое ранение, когда пытался защитить чернокожего парня от фашистов.

Работающие с молодежью часто обращаются за помощью в полицию и антифашистские организации. Однако силовые методы, которые предлагает полиция, не решают проблемы. Антифашистские организации предлагают защиту и поддержку смелым людям, работающим с молодежью и желающим бороться против фашизма и расизма. Именно эти антифашистски настроенные молодежные работники более всего способны повлиять на ситуацию.

Длительное время бетонные пригороды на востоке Роттердама были свидетелями жестокой конфронтации между различными субкультурами. Эта конфронтация имела расистский характер: белые гэбберы против чернокожих

рэперов. Конфликт между этими группами захватил даже молодежные центры, что стало большой проблемой для тех, кто в них работал. Одни сумели не допустить конфронтации в своих центрах, другие — нет. Но все они испугались.

Антирасистская группа одного из молодежных центров начала исследовать эту проблему, и выяснилось, что фашисты были причастны к провоцированию этого конфликта. Оказывается, лидеры гэбберов посещали собрания фашистской партии CP'86, а некоторые даже числились ее членами. Группа активистов начала подготовку крупномасштабной антирасистской кампании в школах и молодежных центрах. Их работа с молодыми людьми была направлена против фашистов, и ответы на пропаганду CP'86 были хорошо продуманы и аргументированы. Фашисты потеряли поддержку в районе, а вместе с этим и возможность манипулировать молодежными группировками. В то же время антирасистская кампания лишь укрепила связь между местными антифашистами. Это привело к перемене настроения в сторону большей терпимости среди местной молодежи.

Насаждение терпимости: голландское государство и субкультуры

Голландское государство относится к субкультурам без боязни и даже готово их субсидировать. От организаторов культурных мероприятий и молодежных работников требуют внимательного отношения к различным объединениям молодых людей, особенно тех, условия жизни которых считаются неблагоприятными.

Тем не менее, когда субкультура начинает представлять угрозу общественному порядку, государство мобилизует все свои силы для ее подавления. Неистовые хулиганы — болельщики «Фейенорда» — рассматриваются прессой и политиками как враг общества номер один. После убийства хулигана из Амстердама во время прошлогодней драки дюжина роттердамских хулиганов попала на скамью подсудимых. В числе прочего им вменялось в вину членство в криминальной организации согласно статье 140 уголовного кодекса. Данная статья была создана и поначалу использовалась против мафиозных структур, в основном торговцев наркотиками. Потом предпринимались попытки использовать ее против сквотеров, но они всегда заканчивались неудачей.

Секретные службы Голландии нашли себе нового врага в лице гэбберов. Толстый отчет на 118 страницах говорит о том, что организации гэбберов являются источником насилия на почве национализма, и поэтому представляют угрозу. Он заканчивается обращением автора к гэбберам-антирасистам с призывом о поддержке. Этот отчет и не точен, и не очень научен. Он напоминает еще раньше подготовленные тайными службами роттердамской полиции отчеты, которые сообщали о возможности расовых беспорядков и, в сущности, были составной частью полицейской кампании против «криминальной» молодежи из среды иммигрантов.

Страхи общества подкрепляются неосторожными высказываниями различных политиков как левого, так и правого крыла, и они лишь усиливаются средствами массовой информации, всегда ищущими скандала. Это лишний раз демонстрирует увеличивающуюся дистанцию между элитой и остальным обществом, которая когда-то казалась невероятной в маленькой толерантной Голландии.

Волна: школьный эксперимент

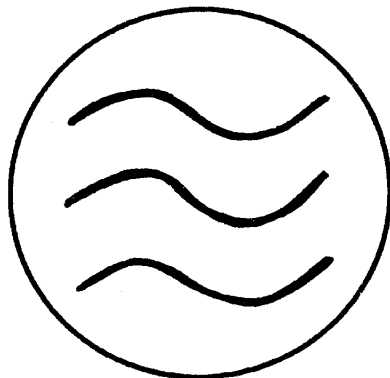
Один из фильмов, показанных на семинаре – «Волна», был снят режиссером Алексом Грасхоффом по рассказу Рона Джонса, описывающему реальные события, происходившие в одном калифорнийском колледже в 1967 году.

Представьте себе: урок истории. Молодой учитель показывает старшеклассникам хронику второй мировой войны: концлагеря, газовые камеры, смерть и ужас, нависший над Европой. Ученики ошеломлены. Как может один человек творить такое над другим?! Одна из учениц задает учителю вопрос, на который тот не может дать ответа: «Как немцы могли позволить нацистам совершать эти преступления? Как могли они заявлять после, что ничего не знали о миллионах истреблявшихся евреев, цыган, гомосексуалистов, инакомыслящих?..»

Вероятно, чтобы ответить на этот вопрос, а может просто из жажды экспериментаторства, учитель решает начать игру в тоталитарную организацию. Все начинается с малого. Мистер Росс (так зовут учителя) предлагает своему классу новую форму поведения. Вчера развязные, а сегодня подтянутые и дисциплинированные, школьники прямо-таки молятся на своего руководителя, которому остается уже совсем немного до того, чтобы стать фюрером. Особенно по душе новый порядок пришелся Роберту, ученику, над которым раньше все смеялись и шутили. «Я теперь – часть чего-то важного. Никто не посмеет больше издеваться надо мной,» – говорит он гордый сознанием своей значимости.

Мистер Росс несколько растерян и напуган, так как во-первых, не ожидал от своих подопечных подобной готовности к подчинению, а во-вторых, чувствует, что эта игра начинает затягивать его самого, власть начинает ему нравиться. «Удивительно, насколько больше люди начинают тебя любить, когда ты решаешь за них, что они должны думать и делать,» – говорит он. Вероятно, он понимает всю опасность затеянного им опыта, однако решает продолжать. На базе класса появляется организация под названием «Волна».

Волна – символ движения и силы. Девизом становится: «К силе – через дисциплину! К силе – через единство! К силе – через действие!» «Сила дает вам право действовать». Придумывается символ, форма одежды, приветствие... И дальше все разворачивается по знакомой схеме: каждый член организации должен вовлекать новых, следить за соблюдением правил. Всем раздаются членские билеты, выделяются своего рода

о любых замеченных нарушениях лично мистеру Россу. Естественно, что одним из «главных» становится тот самый Роберт, над тупостью которого прежде все потешались. В чем, собственно, состоит деятельность организации, непонятно, да это и неважно. Важно другое – школа распадается на два лагеря. Дети начинают драться, шпионить друг за другом. «Кто не с нами, тот против нас,» – давно знакомый лозунг. Так что же, ни один человек из класса не способен воспротивиться происходящему?

Против выступает та самая девушка, которая задала вопрос, подвигнувший мистера Росса на эксперимент. Она не может понять, как это ее одноклассники в одночасье превратились в стадо баранов. Лорри (так ее зовут) пишет статьи в школьную газету против нарастающей угрозы «Волны», но ее одноклассники решают заткнуть ей рот. Ей угрожают, преследуют, выгоняют с занятий, с нею ссорится ее молодой человек. Она просит мистера Росса прекратить затянувшийся эксперимент, что он ей и обещает. Однако тем временем события продолжают развиваться уже независимо от самого мистера Росса. Школьники случайно натываются в каком-то журнале на изображение волны с подписью «волна выше нас». Большая фантазия Роберта тут же высматривает в этом нечто подозрительное, некий секретный код. Мистеру Россу не остается ничего, кроме как воспользоваться этим и объявить, что Роберт прав. Существует некая тайная организация – молодежное национальное движение «Волна». «По всей стране учителя набирают и тренируют молодежь, чтобы показать нации, как можно построить лучшее общество – через дисциплину, единство, действие и гордость». Мистер Росс объявляет закрытое собрание всех членов «Волны», на котором выступит национальный лидер страны. Дети готовятся, выставляют охрану у дверей зала, чтобы никто «чужой» не зашел, пассаживаются (все – в голубых рубашках

приветствуют своего учителя. Мистер Росс успокаивает зал и говорит, что выступление лидера сейчас начнется. Однако никто так и не появляется. Все начинают нервничать, и в тот момент, когда кто-то выкрикивает, что, может, и нет никакого лидера, мистер Росс показывает им его: зажигается киноэкран с хроникой выступления Гитлера, сопровождающегося восторженным ревом толп немецких граждан.

Школьники подавлены и огорошены. Они, содрав с рук повязки с символом «Волны», медленно расходятся. Горше же всего Роберту – он рыдает, ведь и значимость, и могущество его вдруг исчезли...

Однако эта легкость, с которой происходит раскаяние, заставляет усомниться в реальности изображенных событий. Не может быть, чтобы люди, сначала с такой готовностью воспринявшие тоталитарные правила, потом так быстро и просто разглядели их сущность и отказались от них. Представляется вероятным, что эти подростки отодвинули бы в сторону своего интеллектуала-учителя и взяли бы все в свои руки. Настоящий вождь не замедлил бы появиться. Тот же Роберт, например. В этом и состоит опасность подобных экспериментов. Конечно, свой социологический интерес в них есть. В Европе антифашисты проводили подобные опыты, например, в одной университетской столовой в Германии однажды вывесили объявление: немцы садятся только за правый стол, а люди других национальностей только за левый. Или дети с голубыми глазами могут не ходить по субботам в школу, а с карими – пусть ходят, да еще и по воскресеньям... И, надо сказать, что мало кто немедленно выступал против...

Главный пафос фильма «Волна» в том, что фашизм – это не то, что творит кто-то *другой*. Фашизм может присутствовать в каждом из нас, а мы можем и не замечать этого.

Однако хочется заметить, что люди не подопытные кролики. Ставить опыты на человеческом сознании недопустимо, потому что подобная «прививка против фашизма» может привести к обратному результату. Ведь некоторые (такие, как Роберт, например) могут найти в подобной «игре» не предостережение и урок, а легкий путь к власти и силе.

Часовой механизм уже запущен

На семинаре был также показан немецко-голландский фильм *Die Bombe tickt* («Часовой механизм уже запущен»). Это двухсерийный вариант старой доброй «Снежной королевы»: старшая сестра пускается в странствия, чтобы спасти своего брата, в сердце которого засел осколок «хрустальной мечты» всемирного господства. В поисках юного Ральфа она попадает в лесной военный лагерь в Бельгии – питомник запрещенной фашистской организации «Лига» («организации с ограниченным количеством членов, но могущественными связями», – как говорит один из ее вождей). В лагере идет выучка «настоящих бойцов», которых зашлют в дальнейшем по указу партии в горячие точки (в Сербию, а может, и в Африку).

При этом страшная сказка про немецких неофашистов может как калька быть наложена и на нашу реальность. Разве мало параллелей между двумя колоссами на глиняных ногах: воссоединенной Германией и полуразвалившейся советской империей?

Основная тема фильма – тема провинциализма, золою осевшего в душах взрослых и душащего подростков. Оттого – желание вырваться, взорвать болотную тишь, пусть даже с помощью эпатажа и провокации. Основное действие происходит в Близбурге – крошечном восточно-немецком городке. Но провинциализм – явление не только географическое, но и ментальное. В речах жителей Близбурга – четкое противопоставление между «интеллектуалами», просиживающими штаны в Бонне и сиропно разглагольствующими о правах человека и всяческих свободах, и простыми людьми, которым все это придется потом расхлебывать. («Они заывают к нам турок и хорват! А где эти несчастные беженцы будут жить? Рядом с их шикарными виллами? Нет – на наших улицах, жрать из наших тарелок, запускать руку в наш карман!»)

Интеллектуальный провинциализм дополняется провинциализмом политическим: отчуждение власти, отсутствие веры в ее институты, в действенность «промежуточных» социальных структур создают ситуацию «феодалной раздробленности». Когда толпа горожан с ведома административной верхушки не выпускает в Близбург автобус с беженцами, она тем самым демонстрирует свое отношение к центральной власти: вы там, в Бонне принимаете дурацкие законы? А у нас своя голова на плечах, и нам решать, кого мы будем кормить, а кого – нет!

Ощущение провинциальной духоты усугубляется болезненным процессом объединения Германии, когда ГДР с ее

разложившейся экономикой и истлевшими идеологическими подпорками превратилась в паразита на теле благополучной сытой ФРГ, а немцы разделились на людей первого и второго сорта. Близбург отмечен экономическим провинциализмом и провинциализмом идеологическим: здесь особенно болезненно ощущается жесткость новой картины мира, где человек рассматривается прежде всего как товар, где, по словам юного Ральфа, «все рвут друг друга зубами и шагают по трупам».

Противопоставление брата и сестры выстраивается по линиям: столица – провинция (Керстин уехала в Берлин, тогда как Ральф остался в Близбурге), богатство – бедность, успех – неудача. Не случайно также и то, что Керстин работает на радио, которое в определенном смысле является символом открытого, «прозрачного» общества, утопии всеобщей коммуникации. В этом трезвом и холодном рационалистическом обществе фашистские организации представляют нечто вроде «сгустка тепла», «прибежища идеалов». В сердце громадной метрополии они являются одним из воплощений провинциализма, противостоящего модели рационалистического прогресса.

Речь идет прежде всего об элементарном *уютe*. (Надо заметить, что немецкое *Gemutlichkeit* – слово почти сакральное, нагруженное целым рядом культурных ассоциаций.) В огромном, заставленном кирпичными коробками Берлине существуют особые кафе с домашней атмосферой и застольными песнями; в унылой близбургской квартире один из молодых героев фильма устроил подобие часовенки-молельни с теплым светом свечей и портретом фюрера в узорной раме. Важный элемент этого уюта, который является ключевым словом в речах нацистов всех уровней, – товарищество, чувство дружеского локтя. Именно на луче напряженного противопоставления: товарищ – предатель строится этическое измерение этого микрообщества.

В действительности, все молодежные субкультуры создаются в противовес господствующей идеологии. Идея братства, товарищества служит формообразующим моментом, тогда как содержательную сторону можно порой описать лишь в отрицательных терминах: неприятие общества, его ценностей и институтов. Понятно, что подобный нигилизм служит плохим цементом для группировок. К небогатому арсеналу их положительных ценностей (обычно – музыка определенного направления, определенная модель поведения и одежда) часто примешиваются

нафталином пропахшие идеи о величии немецкой расы и гитлеровской «народной демократии». Объединение тогда происходит на мнимо «биологических» основаниях («Смотри: турки объединяются, евреи объединяются, а мы чем хуже?»). Но все эти идеи находятся обычно на периферии их ценностного мира, пока за дело не принимаются «специалисты», устраивающие настоящий театр с невероятным количеством романтической мишуры (тут и «средневековый» ритуал «принятия в рыцари», и клятва кровью и особые таинственные знаки для посвященных). Четкий театральный ритм задан и жизни в военном лагере: безжалостные тренировки на выживание сменяются бойскаутским парадизом вокруг костра и торжественными речами, когда на бритые головы «солдат» обрушивается целый ворох красивых лозунгов и фраз.

Для обеспечения жизнедеятельности подобной антимодернистской структуры (поддержания веры в романтическую сказку) необходима особая интенсивность противопоставления «мы – они», агрессивность, ощущение жизни «на грани». («Это только начало, наш час близок» – этот рефрен повторяется после каждой акции, проводимой фашистской группировкой.)

В фильме довольно схематично, зато очень наглядно показан механизм вербовки сочувствующих скинхедов фашистскими организациями и дальнейшего их использования в своих целях различными политическими силами. Их привлекают в качестве охранников, используют для выполнения грязной работы и сбрасывают как балласт при изменении политической конъюнктуры. Живучесть организации, подобной «Лиге», объясняется тем, что она состоит из множества относительно автономных центров – если «сгорает» один, это почти не отражается на других. Но если фашистские организации благополучно существовали в течение десятилетий, в последнее время ситуация резко изменилась: нацисты отказались от принципа строгой конспирации, и на поверхности показалась «верхушка айсберга». Объясняется это и возрастающими тенденциями рационализации общества (фашизм можно рассматривать как определенный способ романтического бегства из этого мира), и нестабильностью политической ситуации. Поэтому название фильма – «Часовой механизм уже запущен» – подчеркивает сегодняшнюю опасность, необходимость незамедлительных ответных действий и преступность нашего равнодушия.

Фашизм и антифашизм в молодежных движениях и субкультурах

(дискуссия на семинаре)

После просмотра последнего фильма возникла дискуссия, занявшая куда больше времени, чем было запланировано.

Сначала в центре разговора оказался опыт сотрудничества антифашистов и местных органов власти в Голландии. В известном смысле антифашисты действуют на свой страх и риск — администрация действительно выделяет на социальную работу, в том числе с молодежью, достаточно большие средства, а вот уже собственно антифашистская работа и пропаганда — это то, что касается личных убеждений и предпочтений самих социальных работников. Примером здесь может быть деятельность центра при музее Анны Франк в Амстердаме, издающем периодические подробные и ценные бюллетени о положении дел с правым экстремизмом — за счет доходов самого музея. Есть и вполне удачный опыт сотрудничества с местными властями — так, в Роттердаме программа антирасистского образования полицейских (силами местных антифашистов) финансировалась за счет городской казны. Хотя вообще социальная и образовательная работа с городскими «низами» — вещь неоднозначная. Так, в Голландии образовательные программы для турок и марокканцев финансировал марокканский султан Хассан, известный как авторитарный правитель; нельзя также исключить, что работа с эмигрантами из Африки и арабских стран в Западной Европе может оказаться под контролем исламистов-фундаменталистов.

В ходе дискуссии поднимался также вопрос о возможностях государственных органов в борьбе с нацистами, в том числе мерами судебного преследования. В Голландии, к примеру, действует запрет на свастику и «Майн кампф», но местные наци могут при случае найти какую-нибудь соседнюю страну, вроде Дании, где подобных препонов для их деятельности не существует. Кроме того, на

ультраправых обычно работают хорошие адвокаты, которые проверяют их печатную продукцию на предмет символики и явных нарушений действующего законодательства. Печальная закономерность — на месте одной запрещенной организации нацистов появляется другая (или несколько новых) под немного измененными названиями, но с теми же людьми и идеями. Таким образом, на правительственную политику целиком полагаться ни в коем случае нельзя — зато роль прессы в распространении информации и воздействии на общественность, как правило, оказывается очень важной и иногда решающей.

В связи с этим зашла речь и о нацистской правой прессе, о путях и способах ее распространения. Очень часто европейские фашисты печатают свою прессу в США, а затем распространяют непосредственно в тех странах, где ее изготовление преследуется по закону. Любопытен пример Франции, точнее Парижа, где существует специальный магазин «Старый крот», торгующий такого рода литературой, часть из которой выпускается под маркой «Samizdat» (!). После скандала, вызванного одной из наших соотечественниц, возмущенной соседством книги диссидента В. Буковского с изданиями местных фашистов, магазин был временно закрыт. При обыске в его помещениях было найдено оружие, состоялся суд и теперь дверь в магазин открыта только для проверенных людей из числа «своих». Кстати, и для части русскоязычной прессы во Франции из потомков эмигрантов первой волны характерны не только монархизм и общая косность мышления, но порой также и антисемитские настроения.

Дискуссия также затрагивала и общие причины распространения фашизма в сегодняшней Европе — спустя полвека после победы над гитлеровской Германией. После окончания холодной войны обострился поиск нового Врага (в роли которого теперь уже не Восток — страны советского блока, а скорее Юг, угроза наступления которого может обернуться потерей контроля над ресурсами, перераспределением богатств, сокращением вакансий на рынке труда). Процессы европейской интеграции, помимо создания пресловутой «крепости Европа» вызывают почти в каждой стране стремление сохранить свою традицию, идентичность — отсюда и рост интереса к национальным движениям и символам, поиски ответа

на вопрос, что значит быть «настоящим» немцем, французом, голландцем и т.д. Растущая бюрократизация официальной политической жизни, ее отрыв от рядовых граждан побуждает рассчитывать на те силы и власть, которые бы находились по ту сторону государственного аппарата и его структур.

Еще одной спорной темой, обсуждавшейся на семинаре, было влияние Соединенных Штатов на обстановку в Европе и России в плане антифашистской борьбы. Так, можно зафиксировать влияние американских нацистов на своих европейских единомышленников (включая оказание финансовой помощи) — особенно в Швеции. Именно из Америки пришла идея о всемирном еврейском заговоре, которая у нас в России видоизменилась в легенду об американских банкирах, стремящихся протянуть свои щупальца по всему миру. Кроме того, националисты в Европе часто любят ссылаться на засилье американизма и американской культуры.

Довольно оживленным был спор о «предрасположенности» отдельных молодежных субкультур к фашизму. В итоге все согласилось с мнением о том, что то или иное экстремальное течение в молодежной среде не всегда связано с экстремизмом политическим. Речь идет главным образом о политическом ангажировании и использовании соответствующих группировок. В рамках одного и того же направления можно найти не только «правых», но и «левых» — например, не только скинхедов-нацистов, но также и так называемых «красных скинов». Об относительности понятий правого и левого применительно к молодежным субкультурам может свидетельствовать хотя бы заимствование некоторых элементов из, казалось бы, совершенно невинной идеологии хиппи (культура естественности и природы) в рамках идеологии современных правых, вплоть до экотерроризма. Итак, радикальное неприятие устоев современного общества или даже ограничение прав и свобод окружающих, само по себе еще не делает то или иное культурное движение и политическое течение заведомо фашистским, не следует четко осознавать, что тем самым делается первый шаг в направлении несправедливости, зла и насилия.

8 мая – день победы над фашизмом

8 мая, в день капитуляции нацистской Германии, антифашисты, как и в прошлом году, прошли маршем по улицам Санкт-Петербурга. Целью этой акции было напомнить об ужасах той войны, а также выразить свой протест против современных попыток возрождения фашизма.

День капитуляции Германии во второй мировой войне – это день победы над нацистским режимом, но не стоит забывать, что этот режим был лишь одним из обликов фашизма. Фашизм как общественное явление не побежден, в любой стране мира есть свои фашисты. С ними необходимо бороться, чтобы не допустить повторения печального опыта Германии тридцатых – сороковых годов. Поэтому важно помнить о той войне, о ее жертвах и о цене за победу. Нужно

мириться с погромами и оскорблениями в адрес «чужих» в современной Европе.

В этом году антифашисты стремились привлечь внимание окружающих к успехам крайне правых партий в Западной Европе, объяснить, что фашизм представляет общую опасность и для «бедных», и для «богатых» стран континента. Поэтому наряду с обычным старым лозунгом «8 мая – международный день победы над фашизмом» впереди колонны несли плакат «Остановим нацизм в Европе».

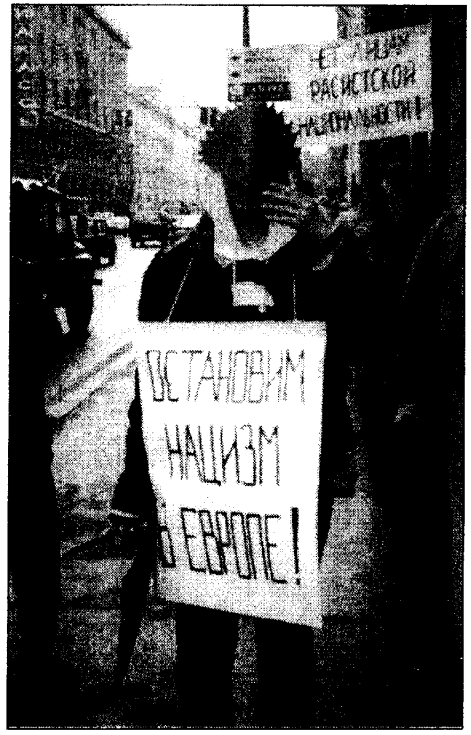
Отправившись от ТЮЗа, антифашисты двинулись по Гороховой, по пути поздравляя всех прохожих с днем победы над фашизмом во второй мировой войне и раздавая всем листовки с призывом к борьбе с нацизмом. На одной стороне листовки, как всегда, был помещен текст с рассказом о том, почему именно 8 мая во всем мире считается днем победы над Германией. Над текстом был изображен нацист со сломанной правой рукой: «Вот тебе "Хайль"!».

На обороте листовки можно было прочесть стихи, озаглавленные «Свободная Европа»:

Глубокой ночью в Карпентра –
Снова призраки дней Виши:
На главной улице окна разбиты,
На кладбище – свастики.
Вечер в Росток:
Белобрысы парни пьют пиво.
Смердит их дыханье...
Они, как отцы их, трусливы;
Десять на одного...
И снова – знак смерти:
Рука простерта вперед...

Правду кричи им, коль нужен твой голос,
Сдерживай их, если руки свободны.
А если только кулак поможет,
Не сомневайся, бей прямо в морду!
От Кейбл-стрит до Хоесверда:
Шонхубер, «Память», и Ле Пен –
Никогда больше! «Свободная Европа»?!
Никогда больше – *Never again!*

Российский город.
Центральная улица. Полдень.
Теперь им незачем прятаться
даже днем.
Бритоголовые наглые юноши,
черная форма...
«За русский порядок!» – призывы –
«Россия для русских!»
Материнские слезы им будут ответом
И крики детей...
Человеческой кожей обтянутые абажуры.
Снова в Европе ночь наступает.
Порвутся цепи – придет чудовище:

На лбу – знак смерти, огонь – в глазах.
Вы, Оскар, Грегор, Франсуаза и Таня,
Послушайте меня! Ведь я – еврей,
Гонимый отовсюду,
Чеченец в русском городе,
Кубинец в Германии...
Не смейте говорить, что то –
Не ваше дело.
Уже так было!
Нашим равнодушием
Питается чудовище...

Шествие привлекало внимание, люди останавливались, читали лозунги на плакатах и разноцветных воздушных шариках. Многие высказывали одобрение, кто-то даже кричал «ура», а некоторые присоединились к демонстрации. Закончили шествие антифашисты на Невском проспекте у дома № 14. К мемориальной надписи, гласящей, что эта сторона Невского проспекта наиболее опасна при артобстреле, были возложены цветы и привязаны воздушные шарики с антифашистскими лозунгами.

Саша

осознавать, что фашизм опасен во всех своих проявлениях, нужно бороться с ним и искоренять его в зародыше.

В нашей стране это особенно актуально. Фашистская пресса распространяется открыто на улицах городов, бесстыдно используется фашистская символика. Фашистские партии беспрепятственно проводят свою агитацию среди населения. Власти же если не помогают им, то смотрят на их действия сквозь пальцы.

8 мая 1945 года нацистская Германия подписала акт о капитуляции. С тех пор 8 мая отмечается в Европе как международный день победы над фашизмом. Память об этой дате призывает нас к объединению в борьбе с насильем, экстремизмом и национализмом. «Никогда больше» – лозунг всех тех, кто помнит об ужасах, которые принесли миру фашизм и нацизм, всех тех, кто не терпит проявлений расизма, национализма и ксенофобии в наши дни, кто не желает

Журналисты ПРОТИВ национал-экстремистов

21 мая на факультете журналистики Московского университета состоялась конференция «Журналистика против национал-экстремизма». Конференция была организована общественным фондом «Антифашист». Состав участников и темы выступлений, на мой взгляд, более адекватно выражают суть проблемы, нежели то, что говорилось в самих выступлениях.

Заседание открыл декан факультета; были представлены такие крупные центральные издания, как газета «Московский Комсомолец», еженедельник «Московские Новости», журнал «Новое время». Выступления представителей этих изданий, к сожалению, носили формальный характер и, как правило, были похожи одно на другое: набор общих фраз о фашизации нашего общества, кавказофобии и вновь расстужем антисемитизме.

Напротив, сообщения журналистов из регионов были конкретны, фактографичны, живы и интересны. Обозреватель владимирской газеты «Призыв» Наталия Новожилова рассказывала о деятельности РНЕ (Российское Национальное Единство), одной из наиболее экстремистских и националистических партий в России. На декабрьской конференции, также организованной фондом «Антифашист», она нарисовала устрашающую картину того, как баркашовцы из РНЕ вербуют детей в свои ряды и формируют из них «стойких патриотов», для которых «Россия – превыше всего» и ради этой «великой» цели они готовы на любое преступление (см. «Тум-балалайку» №№ 7, 8). На этот раз речь шла о взрослых. РНЕ – одна из самых криминальных организаций в России, у членов которой есть легальное право на ношение оружия, и они этим правом широко пользуются, пока что в разборках между собой.

Многие негосударственные демократические организации мучаются от нехватки денежных средств, которые им нужны для того, чтобы облегчить жизнь людям в виде материальной помощи или лекарств, организации досуга или юридической защиты лич-

ных и гражданских прав. У национал-экстремистских партий РНЕ и НБП всегда есть деньги на регулярный выпуск газет, которые они продают по очень низкой цене, видимо, для того, чтобы как можно больше людей смогли ознакомиться с «бесценными» идеями русских фюреров. А зачастую они распространяют свои газеты и листовки в общественных местах и вовсе бесплатно. У них всегда есть деньги на это. Листовки РНЕ за последний месяц появились чуть ли ни на каждом столбе в некоторых районах Петербурга.

Н. Новожилова пытается найти ответ на вопрос, откуда же такие большие деньги у РНЕ. Но точно установить, кто поддерживает национал-патриотические силы в России, трудно. Правоохранительным органам до этого, конечно, нет дела, а скорее всего они и сами активно участвуют в их деятельности. Лидеры националистических организаций занимаются криминальным бизнесом и часто связаны с высокопоставленными лицами в правительстве.

Кстати, в Государственной Думе, как мне сообщил на конференции один из депутатов, киоск с человеконенавистнической национал-патриотической прессой, в отличие от демократической, предлагает особенно широкий выбор. Около него всегда кипит жизнь: политические дебаты, новые контакты, сплетни и т. д.

Собственный корреспондент газеты «Экспресс-хроника» в Орле Эммануил Менделевич продолжил тему, затронутую Н. Новожиловой, о формах и методах профашистской пропаганды в региональной прессе. За последнее время национал-патриоты сильно активизировались, власти и правоохранительные органы попустительствуют им и нередко откровенно выступают на их стороне.

Как же реагируют на это антифашисты? Наши воронежские коллеги провели анализ антифашистской

периодики. За последние годы антифашистское движение в России встало на ноги. Помимо отдельных антифашистских публикаций в центральных или областных газетах, появились специализированные антифашистские издания. Антифашистские группы или независимые антифашисты контактируют друг с другом, встречаются на конференциях, обмениваются опытом и информацией и вырабатывают методы борьбы и противостояния красно-коричневой чуме. Ярче всего антифашистское движение в России проявляет себя, пожалуй, в журналистике. На конференции распространялся бюллетень с подборкой антифашистской прессы за последние пять лет, а также другие антифашистские материалы и издания.

Однако тот факт, что на конференцию, которая проводилась на факультете журналистики в учебный день и о которой сообщалось в многочисленных объявлениях, развешанных в университете, не пришел ни один студент журфака, говорит о том, что антифашизм – непопулярная, некоммерческая тема. В погоне за скандалами, в том числе и политическими, и за большими деньгами многие журналисты ведут себя беспринципно, не задумываясь о том, на что будет направлена та власть, которая есть сегодня у СМИ, и часто невольно создают политический вес и способствуют карьере таких политических лидеров, которые могут стать новыми гитлерами, сталиными или пиночетами.

Хочется выразить особую благодарность организаторам конференции: ведь каждая встреча – новый этап на пути к российскому антифашистскому фронту и новая надежда...

Мара

Слово и дело!

Косово. Драма, которую давно ожидали

Принято говорить, что война в Югославии началась в Косово и там же завершится. Кажется удивительным, что за десять лет ничего не было сделано, чтобы предотвратить столкновение, которое так давно предсказывали. Местные противоречия, слепота международного сообщества, разногласия между европейскими государствами, непонимание роли личности Слободана Милошевича... Все это сыграло свою роль и продолжает влиять на будущее Балкан — и всей Европы.

Небольшой географический экскурс: Косово — регион, расположенный на юге Сербии, который граничит с Албанией, Македонией и Черногорией. Немаловажно, что Черногория все еще принадлежит к Югославской федерации. На территории Косово проживают два миллиона жителей: 90 % албанцев, примерно 10 % сербов, маленькая цыганская община и другие этнические меньшинства.

Сербы никогда не могли примириться с численным превосходством албанцев в области, которую они считают колыбелью своей нации. Албанцы — не славяне, но они проживают на этой территории по меньшей мере столько же, сколько и сербы.

Главная проблема Югославии, которая относится и к большей части посткоммунистической Европы, состоит в том, что в этой стране никогда или почти никогда не было демократии, понимаемой как сообщество граждан. Личность всегда осознавалась через группу: на первом плане оказывались не человек, а семья, клан, племя в прежние времена, затем — коллектив «строителей коммунизма». После падения этой идеологии ничего не было легче для некоторых лидеров, цеплявшихся за свои привилегии, чем предложить взамен рухнувшей коммунистической идеи — национализм. Не более, чем игрой является и манипуляция историей, призванной оправдать ненависть между народами.

Сопrotивление ненасилием в Косово

В 1987 г. новый сербский лидер Слободан Милошевич воспользовался косовским вопросом для укрепления своей власти. Отменив два года спустя статус автономии области, дарованный Тито еще в 1974 г., он объединил весь сербский народ, уже и без того «обработанный» средствами массовой информации. Албанцы оказались выброшенными со всех ответственных политических, экономических, общественных и культурных постов. Любое сопротивление оборачивалось увольнением, арестом, избиением и даже пыткой и смертью. Апартеид...

Сознавая соотношение военных сил, албанские лидеры во главе с профессором Ибрагимом Руговой решили пойти на один из самых фантастических опытов, когда-либо предпринимавшихся после Ганди. Началась кампания гражданского неповиновения и ненасильственного действия путем построения альтернативного общества. В то время как в Хорватии и в Бос-

нии-Герцеговине свирепствовала война, косовары создали полуподпольную систему образования на албанском языке, независимые медицинские центры, подняли местную экономику. Все это финансировалось влиятельной албанской диаспорой. Им даже удалось прекратить страшную практику семейных вендетт, которые опустошали целые деревни, с помощью церемоний «публичных прощений», собиравших многие десятки тысяч человек. Правительство и парламент, избранные, но не признанные Белградом, политически управляли борьбой албанцев. Запугивания, аресты, пытки и убийства, совершенные полицией или сербскими военизированными форми-

рованиями, никогда не прекращались, но повод для возобновления войны нашелся лишь недавно.

Ошибка в Дейтоне

Ибрагим Ругова сделал все возможное, чтобы включить вопрос о Косове в Дейтонские соглашения 1995 г. о мирном урегулировании в Боснии, но его не хотели слушать. Эти соглашения были подписаны теми же правителями, которые развязали войну и, каждый в своей стране, проводили «этнические чистки». Тем самым всем будущим воинственным националистам, и прежде всего Милошевичу, был дан карт-бланш в вопросах, которые, согласно международной дипломатической практике, являются «внутренним делом» государства.

Однако количество «внутренних проблем» росло. Хотя «балканский мясник» Милошевич был официально признан на международном уровне, его положение в Сербии пошатнулось. Поток беженцев из Краины создавал финансовые и политические трудности. Новые выборы показали, что оппозиция, как демократическая, так и фашиствующая, подняла голову: Милошевич потерял прочное большинство в парламенте. Социальные конфликты вновь были усугублены забастовками по всей стране, и Черногория, постоянный союзник Сербии, перешла в «демократическую» оппозицию...

С другой стороны, многие наблюдатели забывают тот факт, что в Косово существует сербское меньшинство, которое опасается остаться в изоляции в результате возможных международных или местных соглашений. Крайне слабое, это меньшинство в меньшинстве восприимчиво к экстремистской пропаганде Воислава Шешеля или такого милитариста, как Аркан (он же Зелько Разнатович), уже избранного депутатом парламента от Косово. Милошевич много лет пользовался этими радикалами как марионетками, но последние выборы показали, что теперь Шешель, став независимым, угрожает власти Белграда.

Война ради сохранения власти

Для человека, настолько дорожащего своей властью, как Милошевич, было необходимо вновь сплотить нацию вокруг своей персоны. Косово стало символом его восхождения к власти, оно могло стать и гарантией его политической долговечности. Даже «демократические» партии, за исключением Гражданского союза В. Пешича, так и не смогли отказаться от некоторой националистической демагогии, и косовский вопрос остается наиболее мучительным для сербской стороны.

Попытка Милошевича «реколонизовать» Косово беженцами из Краины и Словении обернулась поражением: из примерно 100 000 поселенцев только несколько тысяч согласились там остаться. Уже пережив одну войну, большинство из них не имело никакого желания послужить причиной и стать первыми жертвами нового конфликта.

Сами албанцы предоставили Милошевичу возможность обострить ситуацию.

После Дейтона Ругова и его Демократическая лига Косово (ДЛК) оказались в конфронтации с оппозицией, у которой кончилось терпение из-за незначительных результатов стратегии ненасилия. Адем Демачи, «албанский Мандела» (28 лет тюрьмы!), возглавляющий Парламентскую партию, ратовал за возврат к манифестациям. Армия освобождения Косово (АОК) отметила свое рождение в феврале 1996 г. рядом террористических актов. А «итальян-

Аркана, печально известные своей беспощадностью в Боснии, прошли вооруженные по городам Косово, в то время как снайперы начали убивать некоторых албанцев на улицах Приштины. Уже несколько лет косовские экстремисты снабжались контрабандным оружием македонского или албанского происхождения. Лозунг «Косовская республика», призывающий к автономии, очень быстро был замещен требованием «Независимость!». Пороховой погреб был готов к взрыву. Как ни парадоксально, именно американцы поднесли к нему спичку.

Путь к войне

После книги Грэма Грина «Тихий американец» стало обычным говорить об опасной американской наивности в том, что касается вмешательства во внутреннюю политику других стран. Дейтон и его этноцентристская логика могут послужить прекрасным примером. А приезд в Белград посланника Роберта Джелбарда 23 февраля этого года снова подтвердил справедливость этого мнения. Высоко оценив усилия Милошевича, направленные на стабилизацию ситуации в Боснии, Джелбард надеялся задобрить его, соглашаясь с тем, что требование независимости Косово – «нереальная задача», и называя АОК «террористической» организацией.

Это и послужило толчком к началу репрессий. Через неделю началось наступление на район Дреницы. Бомбардировки, жертвы, беженцы... Война, которой удавалось избежать в течение девяти лет, наконец разразилась в регионе.

Милошевич хорошо изучил своих партнеров по международной дипломатической игре и, намечая стратегию будущих военных действий, просчитал, насколько далеко он может зайти. Каждому ясно, что различия в интересах мешают созданию единого фронта: американцы, раздраженные своей ошибкой, ожидают определенного результата, европейцы и, в первую очередь, французское правительство, предпочли бы использовать пряник, а не кнут, и неизбежно повторяют ошибку Джелбарда. Что же касается России, то, несмотря на ее запоздалое присоединение к санкциям, она всегда поддерживала хозяина Белграда во имя взаимовыгодного геополитического братства и своих собственных интересов в регионе.

Но остановится ли Милошевич? Или, точнее, будет ли он в состоянии контролировать развивающийся процесс? Ведь, в противоположность Боснии, где война разворачивалась на закрытой территории, Косово может взорвать все Балканы.

Эффект домино

С конца восьмидесятых многие косовские албанцы бежали в Албанию или в Македонию. Руководство Албании никогда не хотело открыто поддерживать своих братьев в Косово, однако события в этой сербской провинции вынудили Тирану пойти на более решительные действия. Теперь стало известно о существовании военно-тренировочных лагерей АОК в Албании. Маловероятно, что Албания была бы способна оказать военную поддержку косоварам, но граница все же становится зоной брожения. Эта ситуация не может не отразиться и на Черногории, особенно если принять во внимание ее недавний поворот против Белграда, что, в свою очередь, отзовется как в Сербии, так и в соседней Боснии.

Более занимателен случай Македонии. Возникшая в результате распада бывшей Югославии, эта маленькая полиэтничная страна избежала войны благодаря личности президента Киро Глигорова, «балканского мудреца», и его политике компромиссов. Однако в стране имеется довольно значительное албанское меньшинство (между 20 % и 40 % всего населения), которое сконцентрировано на западе, то есть на границе с Косово и Албанией. В течение многих лет македонские албанцы оказывают давление на правительство, требуя большей автономии. Они также тесно связаны со своими братьями в Косово. Тотальная война в Косово не сможет не нарушить шаткое македонское равновесие, что будет иметь последствия для Болгарии, Греции, а следовательно и для Турции, традиционного поддерживающей албанцев и конфликтующей с Грецией, которая, в свою очередь, связана с Сербией. Эффект домино... Сегодня уже можно сказать, что международная дипломатия не извлекла уроков из войны в Боснии. Может ли она помешать пожару на Балканах?

Pierre Hérisson

Reflex / No Pasaran (Франция)

Труд, май, свастика?

1 мая в Лейпциге, столице федеральной земли Саксония, ожидался марш нацистов, крупнейший за все существование ФРГ, – по их уверениям. Пресса и антифашисты говорили о «крупнейшем марше за последние десятилетия». Сразу оговорюсь, что он не состоялся. Но происшедшее 1 мая и вокруг него достойно самого пристального внимания.

Организаторами выступили правозащитническая партия НПД (NPD – Национал-демократическая партия Германии) и ее молодежная организация «Молодые национал-демократы». НПД – одна из старейших неонацистских партий Федеративной Республики, в течение последнего года переживающая возрождение, – так, в Саксонии число ее членов возросло с пятисот до примерно тысячи человек. 1 марта прошлого года НПД мобилизовала 5000 нацистов на демонстрацию против выставки «Преступления вермахта» (см. «Тум-балалайка» № 4), а в феврале этого года собрала на конгресс в Пассау 5000 своих сторонников. 1 мая 1998 года должно было стать окончательным подтверждением ведущей роли НПД и ее молодежной организации среди правых экстремистов и переходом на качественно новый уровень. Прошедшее под лозунгом «Работа сначала для немцев» (то есть «Никакой работы для иммигрантов») мероприятие было попыткой «занять» тему безработицы, кризиса системы социальных гарантий и т. д., представить «национальные силы» главными носителями социального протеста.

Заявка на проведение мероприятия была подана еще 7 мая 1997 года, с предполагаемым числом участников от 10 до 15 тысяч. Марш 1 мая прошлого года был запрещен на том основании, что он не был своевременно заявлен и привел бы к чрезвычайной ситуации. В этот раз подобный запрет был менее вероятен, так как митинг и заключительная демонстрация были заявлены как часть предвыборной кампании НПД. Все же город трижды пытался запретить мероприятие, аргументируя это тем, что для поддержания порядка в ситуации, когда в городе будут 15 тысяч сторонников НПД и несколько тысяч антифашистов, не хватит предоставленных 6 тысяч полицейских. Судебная лихорадка продолжалась до последнего момента; в ночь на 1 мая Конституционный суд разрешил организацию митинга, а запрет на проведение марша был подтвержден.

Подготовка антифашистских акций, направленных на предотвращение митинга и марша, началась заранее, их координацией занималась инициатива «1 мая без наци-марша». Чтобы усложнить задачу полиции, четкий план действий не разрабатывался. Было решено занять место митинга и некоторые участки маршрута демонстрации НПД, заявив на них митинги различных левых организаций.

Вечером 30 апреля в парке у памятника Битве народов, где должен был состояться митинг, прошел концерт против неонацистов. Впрочем, о его цели 10 тысячам зрителей напоминало немного – сообщения о состоянии судебных

разбирательств и группа у сцены, скандировавшая «Наци вон!». После полуночи люди стали расходиться. Остается только сожалеть, что не повторился опыт концертов «Рок против правых» восьмидесятых годов, когда в аналогичных ситуациях тысячи людей оставались на ночь – и утром нацистам нечего было делать. Попытка антифашистов оставить за собой место концерта провалилась – лишь около тысячи человек задержались там, а в три утра последние несколько десятков «удалили» полиция. С утра о вчерашнем концерте напоминали лишь пустые пивные банки, залепленные антифашистскими наклейками рекламные щиты и огромный транспарант на памятнике: «Нет повторению фашизма». Последней возможностью антифашистов оставить за собой место перед памятником, на которую многие рассчитывали, оставался запланированный на 8 утра профсоюзный митинг, который, впрочем, был незадолго до начала отменен организаторами.

Утром в Лейпциг начали приходить автобусы нацистов. На въезде в город их обыскивала полиция, которая изымала «оружие» (бейсбольные биты и т. п.) и нацистские символы (вытатуированные и потому не подлежащие конфискации знаки их носители заклеивали пластырем). Подавляющую часть публики составляли молодые наци-скинхеды. Некоторые

приехали уже крепко выпившими. Около 11 часов – запланированное время начала митинга – нацисты построились в колонну и, скандируя, двинулись к трибуне. Транспаранты были самыми разными – от «Германия больше, чем ФРГ» и «Мы – народ» до «Гарантировано, что твоя пенсия не гарантирована». Митинг начался около половины двенадцатого. Выступали председатель и другие функционеры НПД, призывавшие к построению «национального социализма». Их речи явно не вызывали энтузиазма у слушателей, рассчитывавших на другое времяпрепровождение. «Дружинникам» НПД пришлось прилагать немало усилий, чтобы держать участников под контролем и не выпускать за пределы площадки, куда многие стремились в поисках столкновений с антифашистами (за первые полчаса митинга таких попыток было две). Еще во время митинга несколько сотен нацистов, в основном из организации «Свободные националисты», попытались сформировать колонну и пробиться через ограждение. В результате стычки полиция, в которую бросали камни и бутылки, остановила эту попытку. При этом камнем был ранен журналист. Руководство НПД громко возмущалось своей инициативой «свободных националистов», подымающей, по мнению НПД, авторитет и имидж партии.

В сложившихся к утру 1 мая условиях целью антифашистов было насколько возможно затруднить нацистам путь к месту проведения митинга. В районе вокруг парка скапливалось все больше и больше антифашистов. Они объединялись в колонны и пытались как можно ближе подойти к митингующим. Примерно четырем тысячам антифашистов удалось пробиться к парку и заблокировать все улицы, но вплотную приблизиться было невозможно из-за нескольких тысяч полицейских. Столкновения с полицией начались, когда та еще до начала митинга попыталась – с применением дубинок и водометов – оттеснить группу примерно в триста человек, занявшую перекресток у парка, на несколько сотен метров от ограды. В ответ полетели камни, но через короткое время полиция «очистила» улицы. В течение дня столкновения вспыхивали снова и снова. К вечеру были арестованы более ста человек. Антифашисты пытались помешать подъезду автобусов, закидывая их камнями. Основной «добычей» становились одиночные автобусы, едущие по неохраемым полицией улицам, а также автомашины и небольшие группы скинхедов. После полудня был заблокирован один из перекрестков недалеко от парка, чтобы

помешать каравану автобусов выехать через центр города. После окончания митинга некоторые продолжили поиск групп неонацистов. Некоторые отъезжающие автобусы опять были забросаны камнями.

А в центре города состоялся профсоюзный митинг, в котором приняли участие несколько тысяч человек. Проходившее на приличном расстоянии нацистское мероприятие было одной из главных тем выступлений.

События накануне и в день 1 мая стали предметом долгой дискуссии. Как относиться к запретам города и их отмене через суд? Многие (например, председатель Центрального совета евреев Германии И. Бубис) резко критиковали суды, разрешившие митинг. Однако им следовало бы обратить внимание на возмущившее участников движения «1 мая без наци-марша» обоснование запрета, которое дискредитировало не только и не столько нацистов, сколько антифашистов. С другой стороны, представим, что митинг был бы запрещен с другой формулировкой, касающейся идеологии НПД, чего добивалось антинацистское движение. НПД – зарегистрированная партия, и это явилось бы ограничением свободы слова. Запрет – палка о двух концах, потому что он подрывает основы демократии и в конце концов может обернуться против тех, кто его требует. Передавая полномочия государству, не стоит рассчитывать получить их обратно.

Стало 1 мая успехом или провалом нацистов? На мой взгляд, ни тем, ни другим. 1 мая не ознаменовалось качественным скачком в развитии нацистского движения. Не было ни марша, ни обещанных 10-15 тысяч участников. Конечно, митинг все-таки состоялся и 4 тысячи там собрались, но, заявив об экстраординарном характере мероприятия, НПД сожгла за собой мосты, и достигнутый относительный успех, несмотря на все ее

усилия, таковым не выглядит. Кроме того, неудача с маршем поставила под серьезное сомнение заявленную гегемонию НПД среди националистов и в целом их единство.

Стало 1 мая успехом или провалом антифашистов? С точки зрения количества участников акция прошла успешно, но предотвратить митинг или серьезно повлиять на его ход не удалось. Площадь у памятника не была занята к утру 1 мая, а позднее пробиться к ней уже было невозможно, то есть единственная реальная стратегия предотвращения митинга не была реализована. Наиболее вероятная причина этого заключается в недостатке организации и несогласованности действий антифашистов и их сторонников. И все же удалось на деле показать нацистам, что есть масса противостоящих им людей.

На мой взгляд, нет повода писать о «жалкой кучке» нацистов, как это сделала, например, в левой газете ТАЦ, оценившая число участников митинга всего в три тысячи. Нельзя преподнести произошедшее в этот день как провал нацистов и успех антифашистов, но воспоминания активистов НПД об этом дне основательно испорчены. Вместо «победного шествия» по улицам города они получили несколько часов на солнцепеке в оцепленном парке, их автобусы забрасывали камнями, и самые различные общественные силы высказали свое возмущение по их поводу.

И еще одна деталь, достойная упоминания. Единственной силой, добившейся своего, похоже, является полиция, которой удалось не допустить встречи тысяч нацистов и антифашистов лицом к лицу.

Итак, марш, о котором так беспокоились все заинтересованные стороны, не состоялся. Но это дает антифашистам повод не для триумфа, а скорее для работы над ошибками.

В федеральной земле Саксония-Ангальт правые прошли в парламент

Впервые после окончания второй мировой войны в Восточной Германии вновь была избрана в земельный парламент праворадикальная партия. На выборах в земле Саксония-Ангальт Немецкий народный союз (DVU) набрал сразу 13,2 % голосов и получил шестнадцать мест из ста в ландтаге. DVU уже давно является одной из крупнейших партий правого толка в ФРГ, но прежде он, как правило, не выделялся из ряда себе подобных – таких, например, как Республиканская или Национал-демократическая партии, с которыми у DVU отношения не самые лучшие. На последних же выборах он оставил друзей-соперников далеко позади.

Результаты голосования в Саксонии-Ангальте привели Германию на некоторое время в сильное волнение, но и после того, как оно улеглось, беспокойство остается. Основания для раздумий дает не только сам высокий процент голосов, но и тот факт, что никто не предвидел такого исхода выборов. В который раз настроения людей в Восточной Германии были угаданы неверно. Всего за несколько недель до выборов в Саксонии-Ангальте DVU в опросах общественного мнения еще даже не упоминался, но потом, за четыре недели до дня голосования, он вдруг сам заставил о себе говорить. Маленькая федеральная земля в центре Германии неожиданно оказалась буквально захлестнута волной его агитации: DVU разослал 1,2 миллиона писем во все квартиры в Саксонии-Ангальте, население которого составляет всего 2 миллиона человек. В избирательных округах были расклеены более 20 000 плакатов. В общей сложности на избирательную кампанию партия потратила от двух до трех миллионов марок – больше, чем обе крупнейшие партии, Социал-демократическая (СДПГ) и Христианско-демократическая (ХДС), вместе взятые. В 1991 и 1992 DVU таким образом уже проходил в земельные парламенты Бремена и Шлезвиг-Гольштейна, и ему это почти удалось в Гамбурге. Правда, на следующих выборах он снова оказывался за бортом.

Сумма, потраченная DVU, поражает, а то, что такие деньги есть в распоряжении праворадикальной партии, – настораживает. Относительно происхождения этих средств полной ясности нет. Часть их несомненно внесена из собственного кошелька основателем партии и ее председателем Герхардом Фраем. Ему принадлежит в Мюнхене самый крупный германский издательский дом правой ориентации, которым издается, наряду с другими периодическими изданиями, и «Немецкая национальная газета» (*Deutsche Nationalzeitung*), представляющая собою нечто вроде центрального печатного органа правых течений в стране. Суммарный тираж всех газет, выпускаемых Фраем, составляет, как утверждается, около 20 000 экземпляров.

Правда, кроме моря плакатов и писем, DVU не вел никакой предвыборной агитации. Да и не мог бы вести, так как в Саксонии-Ангальте у него почти нет членов: по заявлениям самой партии, их насчитывается 800 человек, по оценкам Службы охраны конституции (ведомство внутренней государственной безопасности) – 180. Если не считать нескольких встреч Фрая и сотрудников его издательства с местными единомышленниками, не проводилось никаких собраний и вообще никаких агитационных мероприятий. До начала предвыборной кампании DVU был практически не известен в Саксонии-Ангальте, и к моменту выборов едва ли кто-то из избирателей видел своими глазами хоть одного представителя этой партии. Но после появления рекламы DVU на улицах он стал неудержимо набирать проценты в опросах общественного мнения. Однако только лишь напором рекламы успех правых на выборах объяснить нельзя.

Немецкие комментаторы рассматривают его как еще один признак неудачи, сопутствующей пока процессу объединения Германии. Высокий процент голосов, поданных за DVU, они объясняют прежде всего плохим экономическим положением Саксонии-Ангальта, которое порождает растущее недовольство не только правительством Коля, но и всей политической системой ФРГ. В этой земле самая высокая в Германии безработица – на сегодняшний день она составляет 22,7 %. А если добавить сюда тех безработных, для которых государство искусственно создает рабочие места или программы переподготовки, то получится 35 %. Многие некогда крупные производства в Саксонии-Ангальте прекратили свое существование. Люди, правда, винят в социальной деградации не управлявших землей социал-демократов и зеленых и не поддерживавшую их Партию демократического социализма (ПДС) – бывшую просоветскую СЕПГ, – а федерального канцлера Коля и его Христианско-демократический союз. Но в конечном счете ни одна из традиционных партий уже не могла объединить под свои знамена недовольных. В 1990 г. здесь подавляющее большинство проголосовало за Коля и обещанный им «цветущий край». Сегодня ХДС не может добиться здесь успехов даже апеллируя к таким традиционным для него темам, как «борьба с преступностью» и германское объединение. Одним из главных лозунгов DVU было: «Эти выборы – выборы протеста!». И в самом деле, если посмотреть на анализ контингента избирателей, проголосовавших за DVU, то получается, что ему удалось собрать именно разочаровавшихся.

Явка на эти выборы была значительно выше, чем обычно. DVU как раз в тех городах, где промышленность пришла в упадок – например, в Галле, Биттерфельде или Вольфене – набрал в среднем по 17 %, а в районах новостроек по 15 % голосов. Ни в одном округе доля его сторонников не была ниже 9 %. Каждый четвертый рабочий и каждый пятый безработный отдали свои голоса DVU, среди пенсионеров же, которые на сегодняшний день являются в Германии наиболее социально защищенной группой, партия получила всего 5 % голосов. Причем почти все эти избиратели принадлежали так называемому «неустойчивому электорату», который в принципе не привязан идеологически ни к какой партии. На сей раз эти люди из протеста проголосовали за правых, а в другой раз вполне могут поддержать иную партию, если положение изменится. На это указывает также и поведение электората при подаче так называемых «первых голосов» (половину мест в парламенте занимают депутаты, избранные непосредственно от округов, а вторая половина избирается по партийным спискам). Те, кто голосовал за партийный список Народного Союза, часто выбирали кандидатов от различных других партий – ХДС, СДПГ и ПДС – по одномандатным округам.

Особую роль в успехе DVU сыграли молодые избиратели – те, что в первый раз пришли к урнам. Среди них процент отдавших голоса за праворадикалов самый высокий: среди молодежи в возрасте 18-24 лет 28 %, среди голосовавших впервые – даже 35 %. «Из-за отсутствия перспектив» – так объясняют их позицию средства массовой информации. В самом деле, мест для получения профессиональной подготовки и шансов на улучшение материального положения для молодежи в Саксонии-Ангальте недостаточно. Но проблема шире. Поведение молодых избирателей зачастую уже нельзя считать стихийным, скорее наоборот: спустя три поколения после войны табу на фашизм перестало существовать, и голосование за правых, правые лозунги и правые убеждения стали во многом частью сложившейся молодежной культуры (это, как радостно отмечает шеф DVU Фрай, «модно, как слушать

техно и кататься на скейте»). Правая молодежная культура представляет собой замкнутую систему, которая функционирует по собственным законам, точно так же, как субкультура панков и автономов.

Лозунги DVU, нашедшие такой сильный отклик в Саксонии-Ангальте, просты и агрессивны. Они направлены против иммигрантов, против безработицы и против введения общеевропейской валюты евро. При этом авторы постарались придать им умеренный и добропорядочный тон, чтобы они могли встретить одобрение более широкого круга избирателей. То есть не всех иммигрантов предлагалось вышвырнуть из страны, а только тех, что совершают преступления: «Иностранцы бандиты – вон!». И работу им не предлагалось запретить полностью – DVU требует только: «Рабочие места в первую очередь для немцев!». А мысленный шаг от отдельных преступников-иностранцев к обвинению всех иммигрантов избиратели сделают сами. Неважно, что количество иммигрантов в Саксонии-Ангальте не могло бы стать ни причиной кризиса, ни – при его снижении – способом решения проблем. Ксенофобия явно не нуждается в реальном присутствии чужих: иностранцы составляют здесь всего 1,7 % населения, меньше, чем где бы то ни было еще в Германии. Экономическая программа DVU расплывчата: необходимые рабочие места она – устами председателя земельной партийной организации Гельмута Вольфа – предлагает создать с помощью «крупных государственных проектов», деньги на которые должны быть получены за счет сокращения взносов ФРГ в ЕС. Сам Вольф – типичный представитель тех, кто «проиграл от объединения»: у него техническая специальность, ему сейчас 49 лет, предприятие, где он работал, закрылось. После окончания государственной кампании по созданию занятости он остался безработным. В партии он не пользуется никаким влиянием – там заправляет председатель Герхард Фрай, опирающийся на свой издательский клан.

После успеха DVU на выборах в других партиях начался лихорадочный анализ случившегося. В сентябре предстоят выборы в бундестаг, и то, что произошло в Саксонии-Ангальте, может повториться по крайней мере в остальных восточногерманских землях – условия там достаточно схожие. Дела нынешнего правительства обстоят и без того плохо. Партнер ХДС по коалиции – баварский Христианско-социальный союз – сейчас тоже склоняется к более жесткой иммиграционной политике, в то время как ХДС настаивает на необходимости интеграции иммигрантов. Социал-демократы собираются снова обратить основное внимание на молодежь, но признают, что – как и другие партии – не знают, как к ней подступиться. Один из министров – христианских демократов сформулировал беспомощность традиционных политиков перед лицом нынешней ситуации так: «Восемь лет спустя после объединения мы сталкиваемся с агрессивным отторжением нашей экономически и социально высокоэффективной модели государства, которой завидует едва ли не весь мир». Не все, однако, смогли

найти свое место в обществе, построенном по этой модели. И вот возникает то, что бывший дипломат Гюнтер Гаусс назвал «ренационализацией бедноты»: национальное самосознание обедневших и растерянных людей растет и начинает принимать агрессивные формы.

И ощущение своей бедности, и «ренационализация» прогрессируют в Восточной Германии с 1989 года. Во всяком случае, относительно национального вопроса можно с уверенностью утверждать, что агрессивная объединительная политика Коля в 1990-1991 гг. явилась одной из причин подобных настроений. В 1997 году в Восточной Германии, где живут 17 % населения, было совершено 45 % правонарушений, связанных с деятельностью правых радикалов. Но если бы на западе ФРГ произошли такие же экономические и культурные потрясения, как в восточной части, и западные земли не смогли бы избежать радикализации.

Кроме того, те, кто голосует за правых, получают удовольствие от сенсации, которую они производят в обществе, преступая запрет на голосование за фашистские идеи. Внутреннего же барьера против этого больше не существует; у поколения, живущего через 50 лет после окончания войны, непосредственного опыта, связанного с фашизмом, уже нет. И сегодня в Западной Европе, тот, кто голосует за правых, уже не чувствует себя одиноким в своих убеждениях. Пример других подталкивает и колеблющихся к тому, чтобы сделать сомнительный выбор. Они вписываются в ту тенденцию, которая зародилась еще десять лет назад с подъемом Австрийской партии свободы Йорга Хайдера, лепеновского Национального фронта во Франции и итальянской Лиги Севера. В отличие от семидесятых годов, фашиствующие националисты снова стали неотъемлемой частью политического спектра в европейских региональных парламентах, и, несмотря на все протесты, к ним уже привыкли.

После того, как DVU вошел в ландтаг, перед партией, по крайней мере на первое время, открываются радужные перспективы. Она сможет больше, чем когда-либо прежде, пользоваться всеми преимуществами демократии и ее институтов в Германии. За каждого проведенного депутата она ежегодно будет получать от государства деньги, сами депутаты будут иметь хорошие оклады и содержать за государственный счет аппарат сотрудников. Трибуна для выступления в государственных средствах массовой информации и на улицах DVU гарантирована и защищается законом – точно так же, как в соседней земле Саксонии, в Лейпциге, невозможно было запретить демонстрацию правой Национально-демократической партии Германии, на которую явилось более 3000 ее сторонников и которая снова закончилась побоищем между ними и участниками альтернативной демонстрации левых.

Эти регулярные столкновения между правыми и левыми в сегодняшней Германии уже превратились в такой же псевдогероический ритуал, как в годы Веймарской республики драки между фашистскими СА или СС и коммунистическим Союзом борцов красного фронта. Между тем, DVU обозначил свое важное место среди разрозненных организаций правого толка в ФРГ таким значительным шагом: широко известный в Германии бывший лидер Республиканской партии Франц Шёнхубер заявлен в качестве основного кандидата от DVU на выборах в Европарламент 1999 года. Позднее было объявлено, что обе партии выступят на сентябрьских федеральных выборах совместно. Сам же председатель DVU Фрай, вероятно, останется как и прежде в тени, чтобы, «когда у всех партий лозунги станут национальными», как он говорит, «радостно и счастливо уйти на покой».

Штефан Мелле

Лидер Немецкого народного союза Герхард Фрай

Латвийские НЕграждане и их заступники

Конфликт, в котором неправы все

Вихрь событий последних нескольких месяцев закружил Латвию и Россию, захватив политиков всех уровней и мастей, промышленников, торговцев, просто людей, поставленных перед выбором покупать или не покупать конфеты «Коровка». Казалось, этот вихрь камня на камне не оставит в отношениях между двумя странами, и вдруг — затишье. Затишье, за которым вряд ли последуют мир и спокойствие, так как вихри, как известно, не приносят положительных результатов. Следовательно, главное еще впереди. Но сейчас у нас есть возможность разобраться в сложившейся ситуации и событиях, свидетелями которых мы были.

Правовая ситуация в Латвии, а также в Эстонии, давно беспокоила многих. Латвийские законы и по сей день имеют не столько юридический, сколько «человеческий» характер. Характер человека, еще в детстве подвергшегося давлению и деспотизму больших взрослых, навсегда запомнившего обиду. Теперь, став самостоятельным и войдя в демократический свет общества, получив от него другие уроки, он старается следовать своим новым друзьям, быть похожим на них, войти в их компанию, но, придя домой, дает волю своим эмоциям, своему мелкому деспотизму в кругу родных и близких — они все снесут, все простят, в конце концов им просто некуда деться.

Одной трети населения Латвии некуда деться. 350 тысяч человек должны отзываться на кличку «негражданин», и только потому, что «братья по крови» оставили после себя здесь долгую память, им мстят за их отцов и дедов или просто за людей, которые говорили здесь на том же языке, что и они. Нелзя, впрочем, сказать, чтоб о них забыли. «Братья по крови, мечтающие воспоминаниями, указывают на них как на живое доказательство пагубности развала СССР, другие — как на пример жертвенности русских и коварства латышей, но кажется, ни те, ни другие не способны помочь «негражданам».

Есть защитники и с другой стороны, со стороны Совета Европы и ОБСЕ, а так как Латвия больше тяготеет к ним, к их мнению она больше и прислушивается. А те не устают указывать на недемократический характер латвийского закона о гражданстве и закона о языке. Так, первоначально ценз оседлости, необходимый для подачи ходатайства о получении гражданства, определялся в 16 лет, и, заметим, не со дня рождения или прибытия в Латвию, а с 4 мая 1990 года — дня, когда Верховный Совет Латвии провозгласил ее независимость. Благодаря настойчивым рекомендациям ОБСЕ в лице ее Верховного комиссара по делам нацменьшинств и по правам человека Макса ван дер Стула ценз был снижен с 16 до 5 лет. Поэтому «неграждане» смогли начать подавать заявления о предоставлении гражданства в середине 1995 года.

Однако не следует думать, что население Латвии делится лишь на граждан и неграждан и что, стерев грань между ними, мы достигнем общего согласия и благолепия. Внутри колонии неграждане четко разделяются на более и менее привилегированные кланы. Привилегированные — те, кто скорее могут попасть в граждане, так как им посчастливилось родиться в Латвии. Но и эти счастливицы счастливы по-разному, в различной степени — чем моложе, тем счастливее, и не потому, что

возраст такой, а потому, что закон позволяет. В законе это называется «окна натурализации»: шестнадцати — двадцатилетние неграждане могли подавать заявление с 1996 года, если им до двадцати пяти — с 1997, до тридцати — с 1998, следующий год осчастливит тех, кому до сорока, а с 2000 года все родившиеся в Латвии будут праздновать свое перерождение из «не-» в граждане. Те же, к кому судьба была немилостива, кто родился за пределами Латвии, смогут начать получать свои гражданские права только с 2001 года, и тут тоже, заметим, не обошлось без строгой иерархии. Основным критерием стал возраст: то ли Латвия больше нуждается в молодых силах для строительства демократии, то ли надеются, что с течением времени желающих получить гражданство поубавится.

Такой закон был принят еще в 1994 году. Еще тогда он вызвал недовольство многих, и, прежде всего, русскоязычного населения Латвии и жителей России. Четыре года две страны неприязненно отворачивались друг от друга, стараясь не вступать ни в какие отношения, непременно вызвавшие бы неприятные дискуссии и претензии. Единственным шагом России стало заявление о том, что мы не подпишем договоры о границах с Латвией и Эстонией, пока не улучшится положение русскоязычного населения в этих странах. Ни Латвия, ни Эстония почему-то не испугались. А воз и ныне там. Президенту Латвии Гунтису Ульманису осталось только сокрушенно вздыхать: «Если бы за пять лет своего президентства мне удалось хоть один раз встретиться на высшем уровне в Москве или Риге, сколько ныне столь острых, спорных вопросов было бы снято с повестки дня! Если Россию так беспокоит проблема русскоязычного населения в Латвии, то почему не обговорить все компромиссные варианты на президентском уровне, если не получается на уровне экспертов?» В таком взаимном ожидании прошло четыре года, и вдруг на привычно ноющую рану посыпали соли: разгон демонстрации русских пенсионеров.

Это произошло 3 марта. Демонстранты пришли не потому, что они были русскими, и не потому, что их права ущемляли, они только требовали понизить повысившуюся накануне плату за воду и коммунальные услуги. То, что большинство из них было русскими, объясняется двумя причинами: во-первых, объявление о демонстрации было дано лишь в одной русской газете, и, во-вторых, большинство русских получает пенсию меньше, чем латыши, так как по закону учитывается стаж работы только в Латвии. Все эти подробности, конечно, не имели значения здесь, в России, о них даже как-то неудобно было говорить. Основной пафос заявлений, во множестве делаемых российскими политиками, сводился к простому и понятному: «Наших бьют!». Латвийская же сторона настаивала на том, что конфликт, лежавший в основе требований демонстрантов, был чисто социальным и что они нарушили общественный порядок, перегородив движение на главной улице Риги, что, по мнению рижских властей, явилось достаточной причиной для применения силы.

Не успели утихнуть страсти по пенсионерам, как разразился новый, куда более громкий скандал. 16 марта в шестой раз отмечался день латышского легиона.

Пикет у латвийского посольства в Москве. Судя по знаменам, национал-большевики и здесь не теряют времени даром.

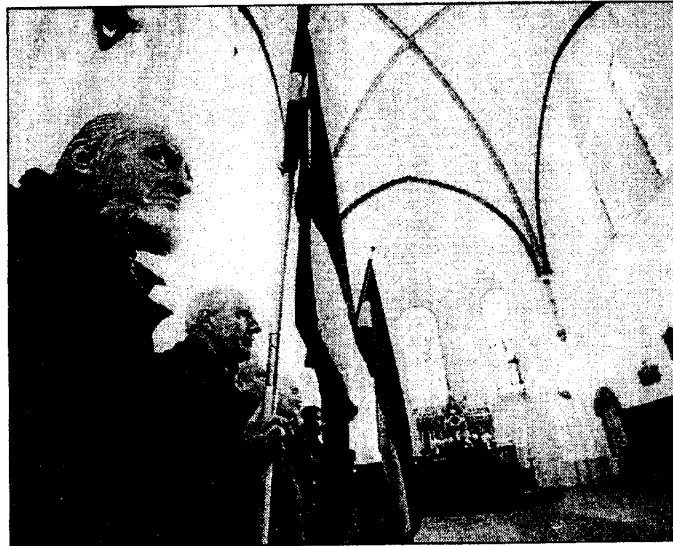
10 января 1943 года по приказу Гитлера были созданы две латышские дивизии СС. 16 марта 1944 года их объединили в единый корпус *Waffen SS*. Сейчас в Латвии проживает около двух тысяч бывших эсэсовцев. Они пытаются убедить население, что не имеют ничего общего с нацистской идеологией, и что они не участвовали в уничтожении мирного населения, а воевали лишь с советскими войсками, мстя СССР за аннексию Латвии в 1940 году. Однако известно, что в легион принимали прежде всего людей, уже проявивших себя в деле. Уничтожение евреев началось еще в 1940 году и вовсе не по инициативе фашистской Германии, а по собственному почину латвийских властей. В годы первой независимой республики (1918 – 1940) в Латвии проживало около 100 тысяч евреев. В 1940 году, почувствовав нависшую угрозу, 20 тысяч из них уехало в Палестину. Из 80 тысяч евреев после войны в живых осталось 162 человека. Общеизвестно, что находясь уже в подчинении Гитлера, легионеры принимали участие в карательных акциях, в ходе которых были уничтожены десятки тысяч евреев, русских, белорусов и представителей других национальностей. На Нюрнбергском процессе корпус *Waffen SS* был признан преступной организацией.

Однако это не помешало через 55 лет одной тысяче ветеранов СС и им сочувствующих выйти на улицы Риги, не помешало рижским властям разрешить это шествие. (Заметим вскользь, что намеченный на следующий день антифашистский митинг не получил такого разрешения, а безывестный одинокий антифашист, пытавшийся забросать заслуженных эсэсовцев тухлой морковкой, был схвачен полицией.) Позволив легионерам пройти по улицам Риги, президент Латвии все же рекомендовал членам правительства и депутатам сейма не участвовать в шествии, опасаясь скандала. Некоторые не послушались: видимо, тяга к нацистским героям была непреодолима. Командующий латвийской армией Гайдис Зейботс, а также вице-спикер парламента Айгар Йиргенс участвовали в возложении венков к памятнику Свободы и отдали честь доблестным предшественникам.

Фотографии, запечатлевшие этот исторический момент, на следующий же день замелькали в российских газетах. Пока власти Латвии еще надеялись от молчаться, в России последовала первая реакция на произошедшее. Первым стал замминистра иностранных дел Игорь Иванов, заявивший о необходимости добиваться международной изоляции Латвии и Эстонии. За ним шли коммунистическая и либерально-демократическая фракции Госдумы, пожелавшие принять законопроект о введении санкций против Латвии. Однако граждане России едва ли всерьез воспринимали эти демарши, равно как и аналогичное заявление Алексея II, которого привыкли воспринимать более как главного героя пышных религиозных праздников, а не как учителя нравственности.

Тем более это не могло запугать латвийские власти. Но неожиданно был нанесен удар с другой стороны: Верховный комиссар ОБСЕ Макс ван дер Стул осудил шествие легионеров и предупредил Ригу о возможной международной изоляции, в случае если будут проигнорированы рекомендации европейских структур, и сейм не внесет изменения в законы о гражданстве и о языке. Отмечалось, что 19 из 29 статей закона о языке не соответствуют положениям Конвенции о правах человека.

На следующий день после жесткой критики западных друзей около здания рижской синагоги во время богослужения, на котором присутствовал главный раввин Латвии Натан Баркан и другие руководители местной еврейской общины, прогремел взрыв. Израиль и США сразу отреагировали на это событие. Латвия попыталась убедить их, что на ее территории нет антисемитизма, вполне логично доказывая это тем, что евреев почти не осталось: всего 12 тысяч. Глава латвийского правительства Гунтарс Крастс заявил, что преступление было направлено не против еврейской общины, а имело целью добиться изоляции Латвии и ухудшить отношение к ней со стороны мирового сообщества. Аргументы премьер-министра

Коммерсантъ-daily

Бывшие эсэсовцы в Домском соборе

вполне убедительны, принимая во внимание непростое положение, в котором оказалась Латвия. Оставалось только поверить, что из дружеских чувств была взорвана бомба у той же рижской синагоги в 1995 году, и совсем недавно осквернено еврейское кладбище в городе Лиенапе, а эсэсовские легионеры – просто ветераны интернациональной дружбы.

В такой ситуации Рига уже не могла отмачиваться и отсиживаться. В тот же день (3 апреля) президент Ульманис срочно созвал заседание Совета безопасности и отправил в отставку командующего вооруженными силами Юриса Далбиньша (за участие в шествии латвийских легионеров) и начальника государственной полиции Алдиса Лиенюкиса (за взрыв у рижской синагоги).

В это время Москва предпринимает шаги с целью добиться поддержки своей позиции на международной арене. Жак Ширак и Гельмут Коль на встрече тройки в подмосковном «Бору» высказывают свою солидарность с Борисом Ельциным в вопросе о Латвии. Однако внесенный Москвой проект резолюции ООН о нарушениях прав человека в Латвии не получает поддержки.

На сцене российско-латвийских отношений появляется новый герой – Юрий Лужков, первым шагом которого стала организация пикета у латвийского посольства. В ответ на эту акцию 6 апреля у российского посольства в Риге взорвалась бомба. МИД РФ охарактеризовал случившееся как «своего рода месть латвийских радикальных элементов России, активно подталкивающей латвийские власти к решению проблем русскоязычного населения».

Московский мэр, казалось, только и ждал этой бомбы, чтобы выйти на сцену уже в свете прожекторов и под бурю аплодисментов. Он призвал применить экономические санкции против Латвии, притом сделал это так умело, что его поддержали даже те, кто совсем недавно отвергал такие меры. Лужков взял за дело с московским размахом, предложив переориентировать поток товаров, перемещаемых через Латвию, на Калининградскую и Ленинградскую области, а также на Литву. В речах Лужкова проблемы отношений Латвии и России вышли из области сугубо экономической и политической. Теперь каждый должен был решить для себя, готов ли он встать на защиту притесняемых русских в Латвии, и если да, то он автоматически должен был отказаться от любимых шпрот и конфет. Московского мэра поддержали другие националистически настроенные региональные деятели – Анатолий Лисицын (губернатор Ярославской области), Дмитрий Аяцков (глава Саратовской области), Евгений Наздратенко (глава Приморья). Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев приказал прекратить отгрузку угля и другой продукции в Латвию. Не остался в стороне и

Президент, потребовав ускорить строительство трубопровода Тенгиз – Новороссийск и нефтяных терминалов в Финском заливе. Уже 8 апреля Борис Немцов сообщает, что российские нефтяные компании резко ограничили поставки в Латвию.

Все это напоминало сводки с полей сражений, поэтому так и остались неуслышанными замечания мэра Санкт-Петербурга Владимира Яковлева и руководителя комиссии по правам человека при президенте Владимира Карташкина, что экономические санкции прежде всего повредят русским в Латвии. Видимо, защитники прав и свобод своих единокровных братьев не очень-то заботились об их судьбе – им только представился счастливый случай заработать очки в глазах народа. Быть защитником русскоязычного населения бывших братских республик стало модно и выгодно. Это давно понял Лужков, а теперь у него появилось немало последователей.

Однако причины такого единодушия – не только политические, их нужно искать и в экономике. Например, сокращение объемов прокачки нефти, о котором радостно рапортовал Борис Немцов, – это не только попытка «отомстить» Латвии, но и мера экономически эффективная в условиях катастрофического падения мировых цен на нефть. Евгений Наздратенко, призывая переориентировать грузоперевозки с Запада на Дальний Восток, открыто высказал желание поддержать таким образом хиреющие порты своего региона. Не случайна в этой связи и позиция петербургского губернатора: несмотря на свою в целом пролужковскую позицию, он не мог игнорировать тот факт, что экономика Петербурга куда более тесно связана с Латвией из-за географического положения города.

Евросоюз и ОБСЕ не одобрили «адресных экономических мер» Кремля. Такую же позицию заняли и США, несмотря на то, что всевозможные экономические блокады – излюбленный инструмент Вашингтона. В Латвии угроза российских санкций расколола политический истеблишмент. Сначала был отправлен в отставку министр экономики Атис Сауснитис за «истерическую реакцию» на российские угрозы: министр призывал правительство принять какие-то меры во избежание конфликта с Россией, указывая на то, что экономические санкции с ее стороны приведут к кризису. Латвийский экспорт в Россию уже к тому моменту уменьшился на 20-30 %.

Затем демократическая партия «Саймниекс» («Хозяин») вышла из состава правительства, обвинив Гунтарса Крастса в обострении отношений с Россией. Уже давно фракции «Хозяин» и «Латвийский путь» настаивали на смягчении закона о гражданстве. Против принятия таких поправок выступала самая большая, национал-радикальная

фракция «Отечество и свобода», к которой как раз и принадлежит премьер-министр.

Наконец, 15 апреля поправка к закону все-таки была принята: отныне все дети, родившиеся в Латвии после 1991 года, имеют право на получение гражданства, а «окна натурализации» будут отменены после 2001 года. Пойдя на минимальные уступки, Рига спешит заявить, что они являются лишь выполнением рекомендаций ОБСЕ, а не сделаны в угоду России. Россия же не предвидит реального улучшения положения русскоязычных Латвии в результате этих мер. Это мнение, судя по всему, справедливо: ведь в октябре в Латвии ожидаются парламентские выборы, на исход которых могут оказать большое влияние националистически настроенные слои общества, тогда как «неграждане» не имеют права голоса.

Итак, националистические силы Латвии имеют достаточно мощную поддержку во властных структурах, прежде всего в семье и в правительстве, где позиции Гунтарса Крастса еще более усилились после ухода представителей партии «Хозяин». Президент Ульманис старается сохранить нейтралитет, прежде всего заботясь о престиже страны на мировой арене, и в то же время не желая ссориться с избранными народом. Такая двойная игра приводит к тому, что, затратив огромные усилия в бесконечных дискуссиях и уговорах, президент добивается некоторых поправок, реальное значение которых смехотворно.

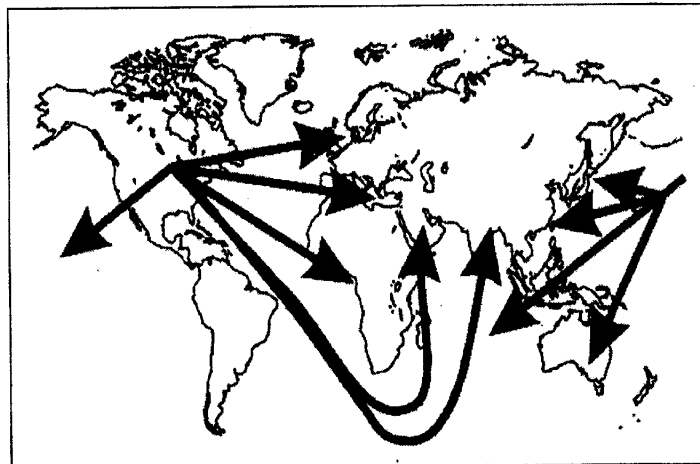
Одновременно усиливаются националистические настроения и в России. Огромная масса людей, не относя себя к националистам, поддерживает политических деятелей именно таких взглядов. Люди все более прислушиваются к «зову крови», а силовые методы давления считает наиболее эффективными. Идея на поводу у политических деятелей, люди в то же время создают такой идейный контекст в стране, при котором представители власти, некогда сторонившиеся националистических идей, вынуждены действовать в угоду этим настроениям, боясь потерять поддержку. В результате для решения межгосударственных и межнациональных проблем выбирается не наиболее эффективный путь мирных переговоров, а сиюминутно выигрышный конфронтационный сценарий. В такой ситуации наиболее комфортно чувствуют себя различные радикальные террористические группировки, с помощью бомб умело управляющие всеми нами.

Е. Кернер

Похвала безумию

Книгу Александра Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России», вышедшую пятитысячным тиражом, можно без тени иронии назвать выдающимся произведением, затмившим все другие публикации в сфере так называемых стратегических исследований. Автор этого фундаментального труда идет гораздо дальше своих чрезмерно робких коллег, и не страшится обсуждать темы, которые те стыдливо замалчивают. Результатом такой интеллектуальной смелости является действительно цельное изложение не только основ геополитики, но и практических выводов, которые с неизбежностью вытекают из последовательного применения геополитической парадигмы.

«Геополитика – это мировоззрение», – пишет Александр Дугин. Более того: «Это мировоззрение власти, наука о власти и для власти... В современном мире она представляет собой "краткий справочник властелина"... Геополитика – это наука править.» (с. 12-14). Право же, невозможно точнее определить основное содержание этой дисциплины, которая пользуется все большей популярностью среди ученых и аналитиков, вошла

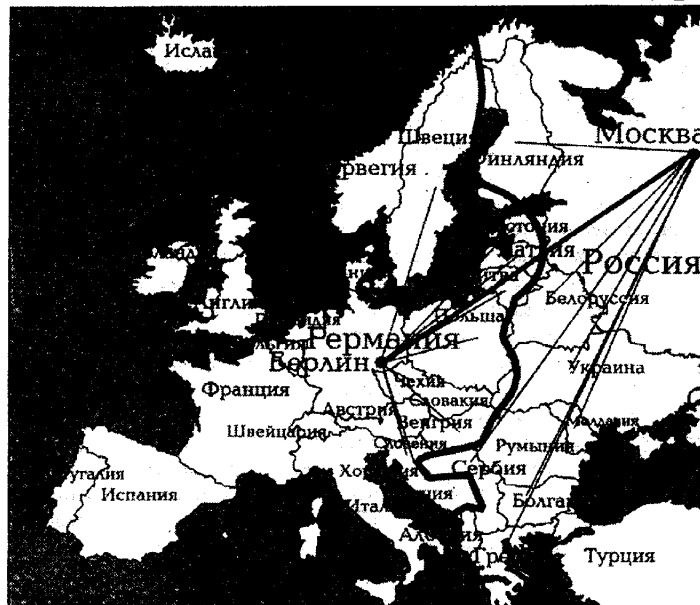
Такие кошмары снятся труженикам российской геополитической нивы.

в учебные планы вузов и скоро, того и гляди, будет включена в школьную программу.

Власть – это центральное понятие геополитики, мировое господство – основная цель, на борьбу за достижение которой направлен весь ее инструментарий. Тот, кто изучает геополитику, мыслит глобально, рассуждает о судьбах континентов и цивилизаций, строит предположения о будущем всего человечества. Правда, несмотря на всю серьезность и напыщенность геополитических мужей, их построения до смешного напоминают мальчишеские игры – от дворовой борьбы за круг диаметром в два метра с помощью ножика или отвертки до компьютерной «Цивилизации». Их не волнует то, как и чем живут люди в близких и далеких странах, к чему стремятся, на что надеются. Предметом геополитики является исключительно контроль над территорией, а единственная роль, отводимая населению, – это подчинение, лояльность тому или иному властелину. «...Одна из главных и характерных именно для геополитика как науки [категорий] – это категория *экспансии*, являющаяся производной от категории государственных интересов», – пишет директор Центра геополитических исследований Института Европы РАН Константин Сорокин на с. 31-32 своего труда.

Интересы отдельного человека исключены из сферы рассмотрения геополитики по определению. «Зависимость человека от пространства – основной тезис геополитики – видится лишь при некотором дистанцировании от отдельного индивидуума», – сдержанно утверждает Александр Дугин в начале книги. Однако по мере того, как его аргументация становится все более развернутой, он делает все более откровенные заявления. Кульминация наступает в разделе об «этнической демографии» России: «Следует внушить всем русским основную идею, что личная самоидентификация есть второстепенная, производная величина от самоидентификации национальной. Русские должны осознать, что, в первую очередь, они являются православными, во вторую – русскими *и лишь в третью – людьми*» (с. 255, курсив мой). Растворение индивидуального в коллективном, обезличивание человека, лозунги наподобие «нация – все, индивидуум – ничто» (с. 257) лишний раз подтверждают, что национал-большевики во главе с Дугиным и Лимоновым недалеко ушли от германских национал-социалистов. Автор «Основ геополитики», впрочем, и не выказывает большого стремления отмежеваться от гитлеризма: его вялые оговорки по поводу нежелательных «ассоциаций с гитлеровским режимом» (с. 285) окончательно блекнут на фоне недвусмысленных похвал в адрес экономической политики третьего рейха (с. 284). Дугин бранит Гитлера не за концлагеря и геноцид, а за «неправильное» применение основных идей геополитики, выразившееся в «вульгарном национализме и империализме» и в нападении на СССР вместо дружбы со Сталиным (с. 6).

Однако едва ли требуется доказывать читателям «Тум-балалайки» тезис об идейном родстве между Дугиным и Гитлером. Тема нашей статьи – не национал-большевизм, а геополитика, и книга Дугина прекрасно демонстрирует антигуманную, тоталитарную сущность этой «науки». Когда во главу угла ставятся интересы власти, а не человека, последний неизбежно оказывается лишь винтиком в механизме государственной машины, функционирующей не ради защиты интересов граждан, а ради себя, любимой. Те, кто пропагандирует геополитику, могут представлять самые разные политические силы, но они всегда выступают от имени сильных мира сего – правителей, денежных мешков и прочих олигархов, а также тех, кто, подобно А. Дугину, стремится занять их место. Простому человеку, в сущности, не к чему завоевывать Константинополь: для него важнее, чтобы в его родном Пролетарске платили зарплату и при этом не слишком часто били миллицейской дубинкой по голове. Но если ему как следует промыть мозги, он, возможно, сам возьмет дубинку и пойдет «мочить» тех, на кого укажут, воображая при этом, что действует во имя «стратегических интересов России».

А это – их сладкие сны (кажется, кое-кому в тридцать девятом году нечто подобное уже снилось?..).

Идеологическое наполнение и степень агрессивности различных версий геополитики могут значительно отличаться друг от друга. Даже национализм Дугина никак не назовешь «узколобым»: на словах он постоянно отрекается от так называемого «малого национализма». Все народы на территории будущей «имперской Евразии», проект создания которой Дугин разрабатывает со всей тщательностью, получат равные возможности для самобытного культурного развития, всякая «интеграция» будет осуществляться на сугубо добровольной основе и при минимальном вмешательстве из центра. Государственные границы на континенте будут отменены, и их место займут «естественные» этнические границы. Даже национальные меньшинства, проживающие на территории, где господствуют другие этносы, должны, по мнению Дугина, получить право на самобытность.

Идиллия? Но, как и всякий националист, автор «Основ» не может не позаботиться о том, чтобы один из народов оказался таки «первым среди равных». Русские, пишет Дугин, – «носители особой миссии, геополитическая проекция которой состояла в глубинном осознании необходимости объединения гигантских территорий евразийского материка. ...Русские чувствуют ответственность за это пространство...» (с. 196). Эти разговоры об «ответственности» и «особой миссии» русских нужны, естественно, для обоснования все той же затхлой идеи национального превосходства. Будучи «осевым» этносом Империи, «великороссы нуждаются в поддержании... своей этнической идентичности, без чего центр континента потеряет свою цивилизационную и культурную определенность». А значит, «должны существовать особые нормы (в том числе и *юридические*), которые обеспечивали бы русским сохранение этнической идентичности» (с. 251, курсив мой). Далее автор прямо заявляет, что «малые народы» в рамках империи не получают «никакого политического суверенитета», поскольку «суверенными могут быть только сверхгосударства» (с. 428). Несмотря на неоднократные попытки Дугина отмежеваться от расизма и шовинизма на словах, его выводы – это типичное расистское мракобесие. Тут вам и признание, что русские должны в рамках новой империи находиться в «привилегированном положении» (с. 252), и призывы к «тотальной реставрации православного мировоззрения», к «тотальному воцерковлению русских и превращению всех культурных институтов в продолжение Единой Церкви», которому подлежат «вся русская культура, наука, мысль вместе взятые». Далее следует вполне логичное заключение о необходимости запрета на контрацепцию и аборты и, по сути дела, к превращению семьи

в фабрику по производству *русских* детей, понимаемых как «общенациональное достояние» (с. 256-257).

Не всякая интерпретация геополитики столь радикальна: предметом заботы ее адептов может быть, к примеру, не этническая идентичность русских, а «экономические интересы России» или «территориальная целостность российского государства». Однако любой исследователь «геополитических реалий» по определению – государственный. Даже автор достаточно либерального изложения основных принципов геополитики Камалудин Гаджиев прямо-таки захлебывается от восторга, когда пишет о русской государственности: «В самой идее государственности заложен глубокий философский, я бы сказал, онтологический смысл. ...В... великих империях воплощен сам дух народов, их создавших, и вне их и без них они для нас бесследно потерялись бы в густом тумане истории. То же самое можно сказать и о российской государственности, в течение многих веков ставшей воплощением русской идеи и одновременно ее несущей конструкцией и двигателем» (с. 343).

Любого из этих «ученых» характеризует виртуозное умение думать о территориях, забывая о населяющих их людях. От того, с какой легкостью Александр Дугин судит о судьбах народов и государств, предлагая одних сделать союзниками, других – «козлами отпущения», третьих «интегрировать» в меридиональном направлении, а четвертых – вдоль параллелей, просто захватывает дух. Причем в данном случае мы имеем дело не с волюнтаризмом отдельного автора, а, напротив, с самой сущностью геополитического метода, состоящей в подгонке реальности под умозрительные концепции и политическую конъюнктуру. Гениальным примером псевдонаучной игры со статистикой может, например, служить статья Юрия Батурина и Олега Добродеева в «Независимой газете», где они, в частности, строят график зависимости периодов жизни и карьеры американских президентов от среднего прироста нефтедобычи в США. Однако до Александра Дугина им далеко. Просто потому, что так удобнее, он объявляет суннитский Пакистан «криптошиитским» (с. 357), утверждает, что в Англии государственной религией является кальвинизм (с. 396), а если привести хоть какое-то обоснование оказывается затруднительным, ограничивается голословными декларациями: «Евразии *предопределено* географическое и стратегическое объединение. Это *строго научный* геополитический факт. В центре такого объединения *неминуемо* должна стоять Россия. Движущей силой объединения *неизбежно* должен быть русский народ... Новая Евразийская Империя вписана в географическую и политическую *предопределенность* мировой истории и мировой геополитики. Спорить с этим обстоятельством бессмысленно.» (с. 218, курсив мой).

Особо следует отметить агрессивный антиамериканизм А. Дугина, который получает «академическое» обоснование в якобы извечном противостоянии между «талассократией» и «теллуократией», «атлантизмом» и «континентализмом». Это противостояние было высосано из пальца отцами-основателями геополитики в тот самый момент, когда от империалистических боссов впервые поступил социальный заказ на придание налета респектабельности той бесчеловечной борьбе за передел мира, которая разгорелась на заре нашего века и продолжается, хотя и в иных формах, до сих пор. Не имея под собой никакой научной основы, допущение об извечной борьбе между «силами моря» и «силами суши» было тем более удобно для прикрытия истинных движущих сил крупномасштабных конфликтов. В случае необходимости эта конструкция всегда может быть вывернута наизнанку: например, Александр Дугин признает, что Япония по всем параметрам подходит под определение «морской» державы, но, поскольку его цель – обоснование необходимости стратегического союза России с Японией, объявляет ее «систему ценностей» антизападной и антиатлантической (с. 230-231).

С другой стороны, «теоретическая» база, подведенная под книгу А. Дугина, выглядит гораздо более солидной при сравнении с некоторыми высказываниями К. Гаджиева. Последнему,

видимо, вовсе не мила идея извечного глобального конфликта между сушей и морем, но логика геополитики как метода неумолимо толкает его на заявления вроде: «Разумеется, Запад в целом и США в особенности заинтересованы в дальнейшем ослаблении России» (с. 366). Примерно такие же утверждения мы находим и у К. Сорокина (с. 79-81), и Ю. Батурина с О. Добродеевым. В конечном счете звериный милитаризм Дугина, ратующего за сохранение и наращивание стратегического ядерного потенциала как единственного эффективного средства тотальной борьбы с атлантизмом, выглядит гораздо более последовательным, чем либеральные сюсюканья Гаджиева, признающего реальную возможность сотрудничества между государствами для разрешения глобальных проблем просто потому, что теперь так принято в приличном обществе.

И все же, несмотря на нашу нелюбовь ко всем, кто занимается пропагандой геополитики, мы не станем утверждать, что их писания не имеют ничего общего с реальностью. Напротив, геополитика достаточно адекватно отражает реальность, существующая в воспаленных мозгах тех, кто правит этим миром, с поправкой лишь на то, что русские или китайские империалисты на самом деле ничем не лучше американских или германских. Большинство из них действительно верят в существование «национальных интересов», которые в конечном итоге сводятся к «императиву самосохранения государства» перед лицом выдуманной угрозы (с. 263 книги Гаджиева). Более того, многие, слишком многие из тех, чьи нужды и чаяния их «родное» государство с завидным упорством отодвигает на задний план, продолжают верить в него как в единственного гаранта их прав и интересов и готовы идти на жертвы ради призрачного «национального суверенитета». Геополитика не просто отражает окружающий нас мир – она, к несчастью, *изменяет* его, *формирует* ту реальность, которую принято называть международными отношениями. Именно поэтому она опасна вдвойне.

Борьба с агрессивным национализмом на его территории бесперспективна. До тех пор, пока мы признаем приоритет «национальных интересов» над интересами отдельных людей и социальных групп, мы никогда не сможем переспорить Александра Дугина и его единомышленников. Бессмысленно доказывать, например, что политика США или Запада в целом идет исключительно на пользу России или россиянам. Глупо спорить о том, должны ли Курилы оставаться русскими, или их следует отдать Японии. Подлинный интернационалист по определению не может безоговорочно поддерживать то или иное правительство, потому что не бывает идеальных правительств. Любой человек, который, как Гаджиев или Дугин, берется рассуждать об «n-полярном» мире («биполярном», «многополярном» и т. д.), тем самым вольно или невольно участвует в драке за мировое господство, которую ведут между собой империалисты всех континентов. Защищать нужно не интересы государства, но интересы человека, и потому реальная проблема – это не число «центров власти», но природа этой власти. Если какое-то событие, явление или направление мысли несет людям новые страдания, с ним следует бороться, не жалея сил. «Русские готовы идти на немыслимые жертвы и лишения, лишь бы реализовывалась и развивалась национальная идея, великая русская мечта», – пишет А. Дугин на с. 196. Любая интерпретация геополитики на деле исходит из подобных предпосылок. Следовательно, наша задача – противостоять геополитическому безумию.

В. Игнатъев

Батурин Ю., Добродеев О. Россия – связующее звено Евразии и мира Тенденции естественного развития геополитики в XXI веке // Независимая газета. 1998. 13 мая. С. 13

Гаджиев К.С. Геополитика. М.: Международные отношения, 1997

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России М.: Арктогея, 1997

Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России М.: РОССПЭН, 1996

Группа 43

События в Лондоне вскоре после окончания второй мировой войны составляют особенную, неповторимую главу в истории антифашизма. Мощное, быстро набравшее популярность фашистское движение было уничтожено эффективно действовавшей антифашистской организацией. Еще до войны самое многочисленное фашистское объединение – «Британский союз фашистов», возглавляемый Освальдом Мосли, – получило скандальную известность, терроризируя жителей еврейских кварталов и рабочих районов Лондона и других городов Великобритании. Однако уже тогда они столкнулись с антифашистским сопротивлением. На улицах британских городов разгорались настоящие уличные бои, – например, в лондонском Ист-Энде в 1936 году, где фашисты были побеждены в знаменитой битве на Кейбл стрит.

После разгрома гитлеровской Германии Мосли и его единомышленники, многие из которых были задержаны во время войны, быстро возобновили свою деятельность. Теперь они больше внимания уделяли конспирации, всячески избегая фашистских лозунгов и символов в своих выступлениях. Однако суть от этого не изменилась.

В тогдашней Великобритании имелись все возможности для проведения манифестаций. Свобода слова и строгое соблюдение общественного порядка делали вмешательство полиции невозможным. Палестинский конфликт еще больше усилил антисемитские настроения в обществе: в новостях всегда была пища для досужих рассуждений. Каждую неделю в Лондоне происходило около дюжины фашистских демонстраций. Позднее у фашистов появились собственные книжные магазины, клубы и 11 газетных изданий, которые продавались в многолюдных местах.

Эти факты были в основном проигнорированы правительством, которое не хотело ничего предпринимать даже после того, как ситуация оказалась предметом обсуждения в парламенте и вызвала беспокойство со стороны еврейской общины. В результате в конце 1945 года Еврейская ассоциация бывших военнослужащих начала проводить свои манифестации.

Небольшая, но решительная группа молодых бывших солдат, в большинстве своем евреев, решила продолжать борьбу. Они основали «группу 43» – организацию, целью которой было осадить неожиданно появившихся фашистов и попытаться воздействовать на парламент, с тем чтобы разжигание межнациональной розни было объявлено вне закона. Группа быстро разрослась от сорока трех первоначальных членов до трехсот активистов.

Один из участников группы рассказывает: «В детстве у меня не было понятия о ненависти, о ее глубине, о том месте, которое она занимает в человеческих чувствах и во всей истории человечества. Моя семья жила на Петтикот Лейн, на четвертом этаже серого многоквартирного здания. Как я могу забыть Петтикот лейн, особенно воскресную Петтикот Лейн? Это был лабиринт красочной толпы, калейдоскоп людей, желающих что-нибудь купить или развлечься. Любовь можно было купить добрым словом, и ненависть продавалась на каждом углу. Фашизм начинал буйно расти. Невозможно было представить себе, что в соседнем городе люди с ненавистью в сердцах планируют нашу гибель. Почему? Мы были чужими в их гнезде, птицами другой культуры, не местные на их родине. Этого было достаточно, чтобы возбудить злобу темной толпы в мире, где достижение чего-то иного было пугающим опытом. Мы же были не просто чужими, мы были евреями.

Я не знаю точного дня, когда мы решили обернуть ненависть в добро, но ужасные рассказы об Освенциме, Дахау, Бухенвальде и многих других местах обостряли чувство самосохранения у оставшихся в живых евреев. Известия о героизме Мордехая Аневлевица и нескольких тысяч его последователей в Варшавском гетто закаляли наш дух. То были молодые евреи,

которые боролись с нацистами со всем пылом библейского Давида и погибли, защищая свое достоинство.

Слова «Никогда больше!» стали не лозунгом, а приказом, и так родилась группа 43. Бывшие военнослужащие-евреи, сорок три мужчины и женщины, многие из которых получили высшие награды, сражаясь в рядах британской армии, не позволили фашистам снова господствовать на улицах Лондона. К ним присоединились многие достойные друзья, которые тоже своими глазами видели ужас, творившийся в Европе. Так это началось. Мы подставили вторую щеку в последний раз, и как семнадцатилетний рекрут я гордился тем, что я в этом участвую.»

Группа 43 избрала боевую стратегию и военизированные принципы построения своей организации. Члены группы были разделены на команды в соответствии с местом их жительства. Также существовал особый разведывательный отдел, целью которого было добывать информацию о деятельности фашистов. Исходя из собранных сведений, группа строила свои планы и ставила задачи командам, которые в свою очередь вырабатывали свою тактику для нападения на фашистские митинги. Чаще всего они создавали шум вокруг места проведения митинга и использовали возникший хаос для прямой атаки на трибуну, с которой выступали фашисты. С помощью такого «прямого действия» группа сорвала половину фашистских манифестаций и серьезно препятствовала распространению фашистских газет в Лондоне.

Группа 43 смогла внедрить шпионов в фашистскую организацию и обнаружила контакты между английскими и немецкими нацистами, некоторые из которых скрывались в Англии после войны. Кроме этого, им удалось раскрыть немало фашистских секретов: они нашли личные планы Мосли, планы будущих кампаний, обнаружили внутреннее соперничество среди лидеров фашистского движения и т. д.

Группа 43 публиковала информационный листок под названием «На страже». Он состоял в основном из статей о фашистах, об их лжи и лести. Смелые женщины-антифашистки открыто продавали «На страже» на фашистских манифестациях. Разведка группы доносила, что сам Мосли и лидеры фашистского движения читали «На страже».

Группа 43 отказалась отнести себя к какой-либо политической партии или течению. Они приветствовали всех, кто хотел принять участие в борьбе с фашизмом. Многие из членов группы были евреями, людьми, которые воспринимали фашизм как прямую угрозу своему существованию. В ответ на нападения фашистов на жителей еврейских районов и на синагоги, группа 43 организовала охрану. Еврейская община по мере необходимости предоставляла группе финансовую и профессиональную помощь.

Группа 43 находилась в Лондоне, но сотрудничала с другими антифашистскими группами по всей стране. Когда один из лидеров фашистского движения пошел против своих бывших товарищей и создал антифашистское движение, группа 43 поддержала его и даже обеспечивала охрану во время митингов созданной им «Национальной антифашистской лиги». У группы 43 были сложные отношения с Еврейским комитетом защиты, официальной еврейской политической организацией, и лоббировавшей интересы еврейской общины. Обе организации были антифашистскими, но их идеология и тактика были совершенно разными.

Группа 43 прекратила свое существование в 1949 году после более чем четырех лет антифашистской деятельности. Она сумела подавить фашистское движение Мосли. Только двадцать лет спустя фашизм в Великобритании вновь возродился как политическое движение.

Германия
Берлин
«АНТИРАСИСТСКАЯ ИНИЦИАТИВА»

ДОРОГИЕ НЕМЕЦКИЕ ДРУЗЬЯ!

Члены Калужского регионального исследовательского Центра по правам человека обращаются к членам «Антирасистской Инициативы» в Германии, ко всем антифашистам Франции, Великобритании, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и других европейских стран, ко всем, кто не желает возрождения фашизма на земле Европы и повторения кошмаров второй мировой войны.

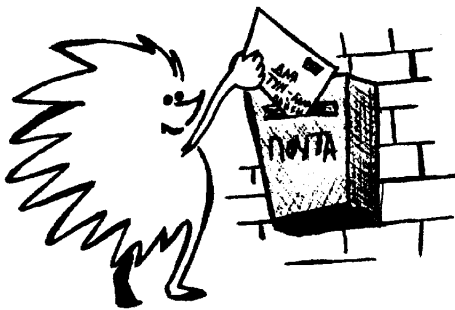
Мы считаем, что в мире есть только две силы, способные навязать человечеству глобальную мировую войну. Это – фашизм и национал-коммунизм. Оба движения доказали миру, что не остановятся перед любой агрессией против любого народа, против любой страны, против захвата любой территории. История XX века – лучшее тому подтверждение.

И фашизм, и национал-коммунизм всегда обрекали народы на войну: гражданскую войну внутри своей страны, захватническую – с другими странами, и мировую – за уничтожение современной цивилизации.

Члены Калужского регионального исследовательского Центра по правам человека уже третий год работают по антифашистской тематике. В настоящее время мы ищем контакты со всеми организациями и Движениями, кто может и желает помочь в организации международного антифашистского Конгресса. Местом предположительного проведения Конгресса ориентировочно назван город Обнинск, город – второй после Москвы, принявший у себя т.н. «Закон Прошечкина» – закон о «Запрете изготовления и демонстрации нацистской символики». Обнинск – город науки, находится в зеленой зоне в двух часах езды от Москвы. В нем наличествуют все условия для комфортабельного размещения участников и гостей и технического обеспечения проведения столь крупного мероприятия. Члены Калужского регионального исследовательского Центра по правам человека берут на себя обязательство по организации Конгресса: технического обеспечения, и соблюдение Программы.

Всех, кто может и хочет помочь нам в организации Международного антифашистского Конгресса, просим обращаться письменно:

249020, Россия, Калужская обл., г. Обнинск, ул. Маркса 49-88, Шепелевой Елене, по телефону: (08439) 7-33-98 (после 15 часов), факс: 4-21-22 для Ярилова и Шепелевой Елене.

Дорогие друзья!

В этот раз в рубрике «Переписка» мы впервые печатаем стихи неизвестного, но дружественного нам автора. Мы были очень рады получить на адрес «Тум-балалайки» эти стихи и с удовольствием их публикуем. Хотелось бы выразить их автору благодарность и поддержку, а также пригласить и в дальнейшем присылать нам свои произведения. Мы обращаемся также и ко всем остальным читателям: пишите нам и присылайте все то, что покажется вам стоящим и интересным.

Копию письма, адресованного в «Антирасистскую инициативу» (об этой организации мы писали в № 7), мы получили от коллег из Обнинска и решили поместить в этот номер, чтобы все антифашисты могли узнать об их интересном предложении. Мы будем рады печатать любые антифашистские объявления. Присылайте нам сообщения о своих проектах, идеях, планах.

Ваши Вольные Ежи

Улица в Польше

На этой улице рассвет.
И блеск умытых мостовых
После дождя и многих лет –
Напоминает о живых...

О тех, кто здесь судьбу нашел,
Кто от рожденья был еврей –
И этой улицей прошел
В ворота смерти лагерей...

Они – живые. Их сердца
Еще стучат в рассветный час...
И ночь касается лица,
И грубый слышится приказ

На непонятном языке,
Который резок так и груб...
Глаза – в глаза, рука – в руке...
Не разжимая бледных губ,

Они колонною идут –
И растворяются во мгле...
От них – и пепла не найдут
Ни в небесах, ни на земле...

Они уйдут печами – в дым...
Их одинаковы пути:
И черновласым, и седым
По этой улице пройти

Вдруг повелело чье-то зло...
И все прошли – друг другу вслед.
Уже над миром рассвело,
Уже над улицей рассвет...

Над этой улицей – заря,
Как будто не было войны...
И бледным светом фонаря
Сердца живых озарены.

3-4 апреля 1998 г.

Гамбринус

Ты опять говоришь на своем языке –
И плачущая скрипка рыдает в руке.
И курчавые волосы липнут ко лбу –
Ты играешь про жизнь, про любовь, про судьбу...
Про извечную скорбь, про последний погром
И про этот кабак, где висит топором
Очень пьяных людей невоздержанный смех...
Ты играешь для них, для себя – и для всех.
И неважно, что некому слушать тебя,
Что они только пьют и уходят, грубя...
Есть у скрипки плакучей – веселый смычок,
Есть в подвале у порта – такой кабачок,
Где от утра до ночи со скрипкой в руке
Ты опять говоришь на своем языке.

20-21 марта 1998 г.

Анна Франк

Мансарда. Лето. Амстердам.
Окошко в мир – важней всех окон.
И девочка – не по годам
Умна, трагична, одинока...

На этом старом сундуке
Она сидит – и пишет быстро.
Дрожит перо в ее руке –
Наивно, дестки-бескорыстно...

Идет жестокая война,
И люди гибнут ежедневно...
На чердаке сидит она
В день солнечный и в день ненастный...

В Нормандии идут бои.
А жизнь теплом ласкает нежно.
И девочка на зов любви –
Вдруг откликается надеждой.

Ласкает летнее тепло,
Но – взаперти. Какая жалость...
И на бумагу вдруг легло
Все то, что важным показалось:

Все то, что радовало глаз,
Все то, что душу волновало...
И удивительный рассказ
Она самой себе писала.

Она писала о себе,
О том, как солнце ноги греет...
Она писала о судьбе
Всех уничтоженных евреев.

Она писала о печах,
О лагерях и о гестапо.
О всех домашних мелочах,
О том, что ближе всех ей – папа...

О страхе жить – и умирать.
О радости, что в сердце бьется.
О том, как здорово писать!
О том, как это удается...

Она писала свой дневник...
И пыльный столб дневного света
Ей прочил авторство тех книг,
Которых жаждала планета.

Как это лучше объяснить?
Порыв души?.. Взросленье тела?..
Она мечтала – просто жить...
Писать и жить она хотела.

23 апреля 1997 г.

Книжкино ревью

Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Левые в России: от экстремистов до умеренных / Под. ред. А.М. Верховского. Москва: Институт экспериментальной социологии, 1997.

Данный справочник продолжает серию проектов, начатую книгами «Политический экстремизм в России» и «Национал-патриотические организации России», которые уже были отрецензированы в нашей газете. На этот раз исследователи и аналитики из информационно-экспертной группы «Панорама» подготовили аналитический справочник (с выборочными биографическими данными), посвященный развитию левого движения начиная со времен распада СССР и формирования современной многополюсной политической жизни России вплоть до весны 1997 г. Хотя обстановка последнего времени характеризуется – объективно – как кризисная, выводы авторов книги относительно тенденций развития левого лагеря пока вполне сохраняют свою значимость, даже при возможном усилении радикальных и экстремистских настроений.

Особая значимость для нас этого сборника – в отличие от двух предыдущих – состоит в том, что речь теперь идет уже не просто о наших противниках, экстремистах и националистах справа и слева, но также и о потенциальных или хотя бы только идеологических союзниках и единомышленниках. Не будет каким-то открытием указать на то, что современный западный антифашизм принадлежит именно левым; притом не столько традиционным – социалистам, коммунистам или профсоюзным деятелям, но скорее разного рода организациям экологистов, анархистов, части троцкистов, представителям гражданских движений, инициатив и т. д. В чем же особенность современной российской ситуации? Поскольку еще со времен перестройки возрождение русского национализма (вроде «Памяти») поддерживалось реакционными просталинскими силами в КПСС, то антифашизм стал принадлежностью демократического и антикоммунистического лагеря, а сейчас – тех праволиберальных сил, которые так или иначе ориентируются на гайдаровский «Демократический выбор России». И это при том, что их единомышленники-консерваторы на Западе являются проводниками таких достойных осуждения мер, как создание «крепости Европа», принудительное возвращение беженцев и иммигрантов, а зачастую и попустительствуют тамошним расистам и националистам. И если быть антифашистом означает быть либералом в самом широком смысле защиты прав и свобод человека, то это отнюдь не подразумевает – скорее уж

наоборот – преклонения перед тэтчеризмом, американским внешнеполитическим курсом или архитекторами российского капитализма. Каков же, в таком случае, антифашистский потенциал отечественных левых?

Авторы справочника справедливо выделяют три наиболее мощных левых течения: КПРФ, радикальные коммунистические группировки и левые радикалы. Наиболее краткая часть посвящена так называемым демократическим левым – от Партии труда (Н. Гончар, Б. Кагарлицкий) до Социалистической партии трудящихся (Р. Медведев, А. Денисов), соответствующим по программным установкам западной социал-демократии. Весьма показательно, что именно эта часть левого спектра является наиболее слабой – сложившийся в России, по разным оценкам, бюрократический или олигархический капитализм меньше всего благоприятствует формированию именно такой оппозиции. Расстановка социальных и политических сил в России происходит в целом скорее по латиноамериканскому варианту: в условиях авторитарной политической культуры умеренно-прогрессивной «партии власти» противостоит левонационалистическая оппозиция, опирающаяся на так называемый «протестный» электорат – при колеблющейся позиции неповоротливых и иерархизированных профсоюзных структур. А поскольку курс на экономическую открытость, учитывая структуру российской экономики, будет лишь усиливать периферийный и зависимый характер отечественного капитализма, то перспектива усиления «патриотической» компоненты на современной политической сцене – и особенно среди оппозиции – является, очевидно, неизбежной. Насколько серьезной может быть угроза фашизации этого течения?

Довольно сложной в этом смысле представляется общая оценка КПРФ. Характеризовать ее как фашистскую организацию, опираясь на высказывания Зюганова, коммунистической прессы или лидеров, как мне представляется, слишком легко и уже хотя бы поэтому неверно. С одной стороны – самая крупная из организованных партий, реально располагающая в некоторых регионах властью и претендующая на власть во всей стране – фашистская (катастрофа!!!), с другой – очень уж очевидна разница между коммунистами и баркашовцами (значит, все не так

уж плохо...). Следовательно, нужно видеть экономические и социально-политические истоки «патриотической» риторики КПРФ, ее отличие от лозунгов крайних националистов (но и опасные сходства!), обращать внимание на разные течения и доктринальные оттенки в коммунистическом движении (с. 134-140, 167-170). Так, националисты и державники могут оказаться, к примеру, наименее экстремистской группировкой в руководстве партии («союз белой и красной идеи»), а интернационалистские течения – напротив, наиболее догматическими и «твердокаменными». В любом случае, не следует путать антифашистскую работу и анализ с навешиванием ярлыков. Весьма полезным для этого оказывается раздел о радикальных коммунистах, где Т. Шавшукова рассматривает феномен «красно-коричневых» и анализирует характер взаимодействия коммунистов с националистами, особенно в период 1992-1993 гг. (с. 140-144)

Особенно интересным нам показался раздел о леворадикалах, принадлежащий перу А. Тарасова, где впервые обстоятельно и весьма подробно анализируются анархистские, троцкистские, экологические, автономистские течения и прочие оттенки российских последователей Бакунина и Че Гевары. Особенно ценным представляются не только обзор малоизвестных фактов и обстоятельств развития леворадикального движения – но главным образом причин его нынешнего упадка. Анализ перспектив леворадикалов в России, написанный автором, знающим эти проблемы изнутри, достаточно пессимистичен: «Нет пока никаких признаков того, что они могут не только создать иные, более жизнеспособные организационные структуры, но и разработать сами принципы создания таких структур. Нет, наконец, никаких признаков притока к левакам каких-то новых людских ресурсов, отличающихся в лучшую сторону от наличных» (с. 92). А. Тарасов посвящает особый раздел контактам леворадикалов с Национал-большевистской партией, отмечая, несмотря на иногда значительные идейные расхождения, наличие у них примерно общей социальной базы, особенно в провинции – из «внесистемных» маргиналов, ориентированных на «экзистенциальный протест». Впрочем, в перспективе антифашистской борьбы следует отметить противостояние анархистов и экологистов с националистами, особенно в провинции (в том числе и в Краснодаре), подробно описанное автором. В октябре 1996 г. троцкистами, анархистами и «новыми левыми» на конференции в Москве была учреждена организация «Левое антифашистское сопротивление» – филиал международного движения «Молодежь Европы против расизма» (с. 32).

Левые радикалы могут стать значимой частью политического и особенно культурного спектра не только на Западе, но и в Латинской Америке. Однако, как отмечает А. Тарасов, для нашей социальной базы леворадикального протеста, «бедного среднего класса» – квалифицированных рабочих, нижнего слоя управленцев, служащих и интеллигенции и их смены – студенчества, характерно скорее не устойчивое воспроизводство (и даже с перспективами роста – как в Советском Союзе), но, напротив, в условиях кризиса и промышленного спада, – депрофессионализация и маргинализация, уход в иные сферы деятельности. Одной из главных особенностей развития леворадикального движения в настоящий момент является альтернатива «выпадения» из текущей жизни общества и замыкания в своеобразном контркультурном гетто – либо «ренегатство»: интеграция в структуры «репрессивного» и коррумпированного буржуазного общества. Сколько раз ни называй политику грязным делом, чище от этого она не станет. Едва ли здесь что-то способны всерьез изменить радикальные и насильственные акции. Наша страна страдает даже не столько от громоздкого и запутанного государственного механизма, сколько от недоразвития гражданского общества. Именно в последнем отношении, как кажется, воздействие левых на политическую жизнь в смысле антифашистской деятельности может быть наиболее действенным.

Я.М.Б.

В сентябре 1998 года
в помещении общества «Мемориал» начинает
регулярную работу

антифашистская библиотека.

В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература.

Имеется уникальная коллекция **антифашистских периодических изданий**, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии.

Читатели могут воспользоваться **алфавитной и систематической картотекой** статей и книжных изданий по данной тематике, составленной на основе материалов Российской Национальной библиотеки и содержащей информацию по фондам многих библиотек России.

Прийти в библиотеку можно уже сегодня по предварительной договоренности.

Звоните по телефону 314-23-68 (добавочный 3).

Адрес: Разъезжая ул., д. 9.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Учредитель:

Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, Разъезжая ул., 9

Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль»
191186, Санкт-Петербург, Малая Конюшенная ул., 5

Адрес редакции:

189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8

Тираж 500 экз.

При перепечатке ссылка на газету обязательна